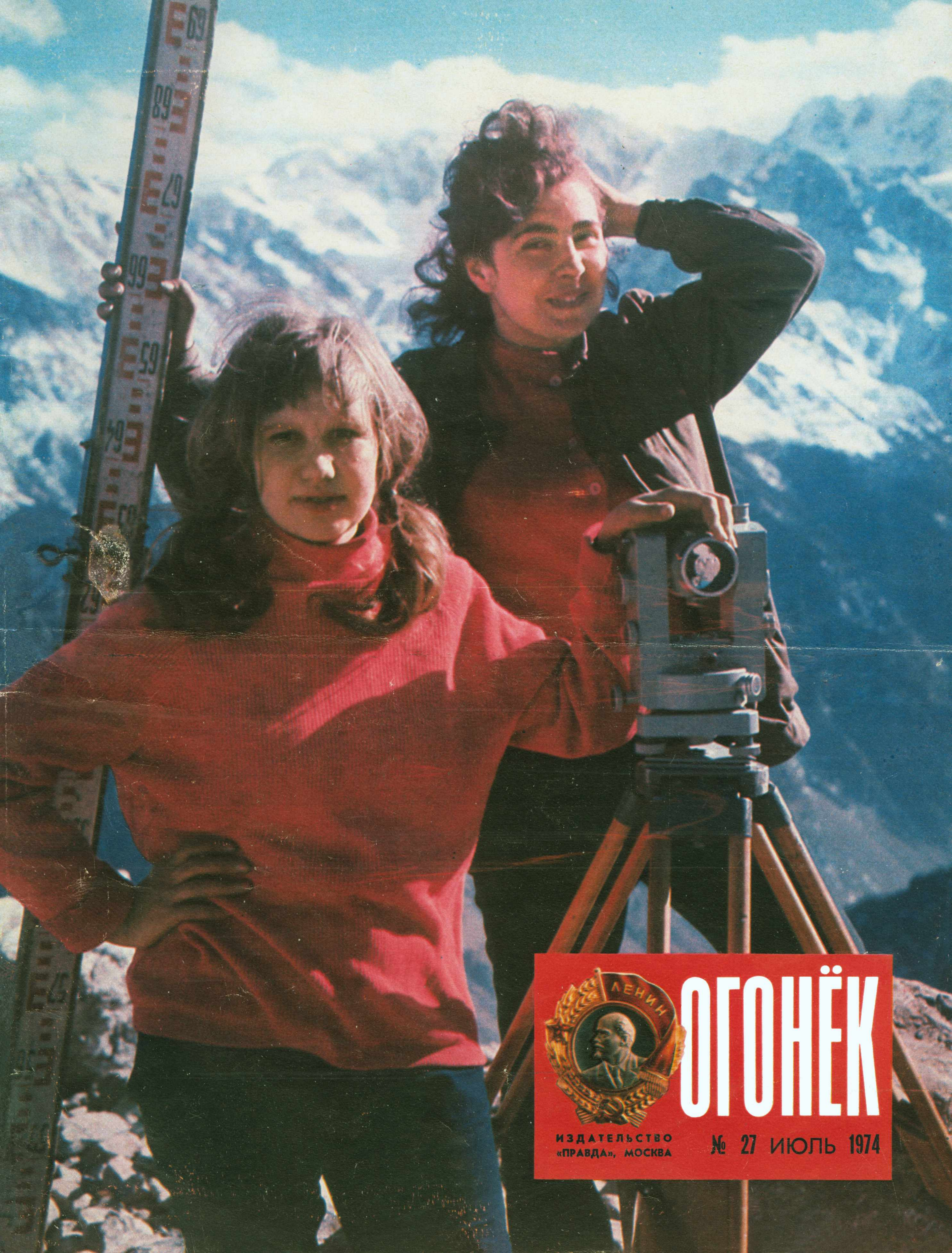
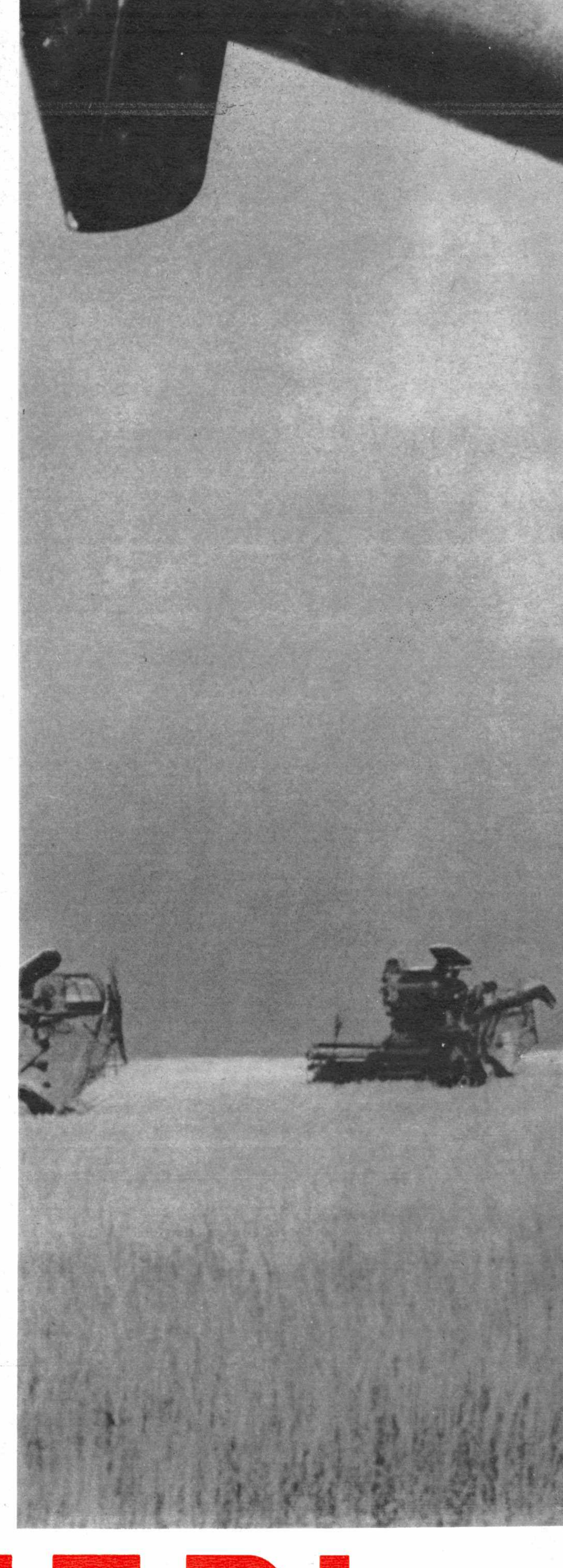

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 27 ИЮЛЬ 1974

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

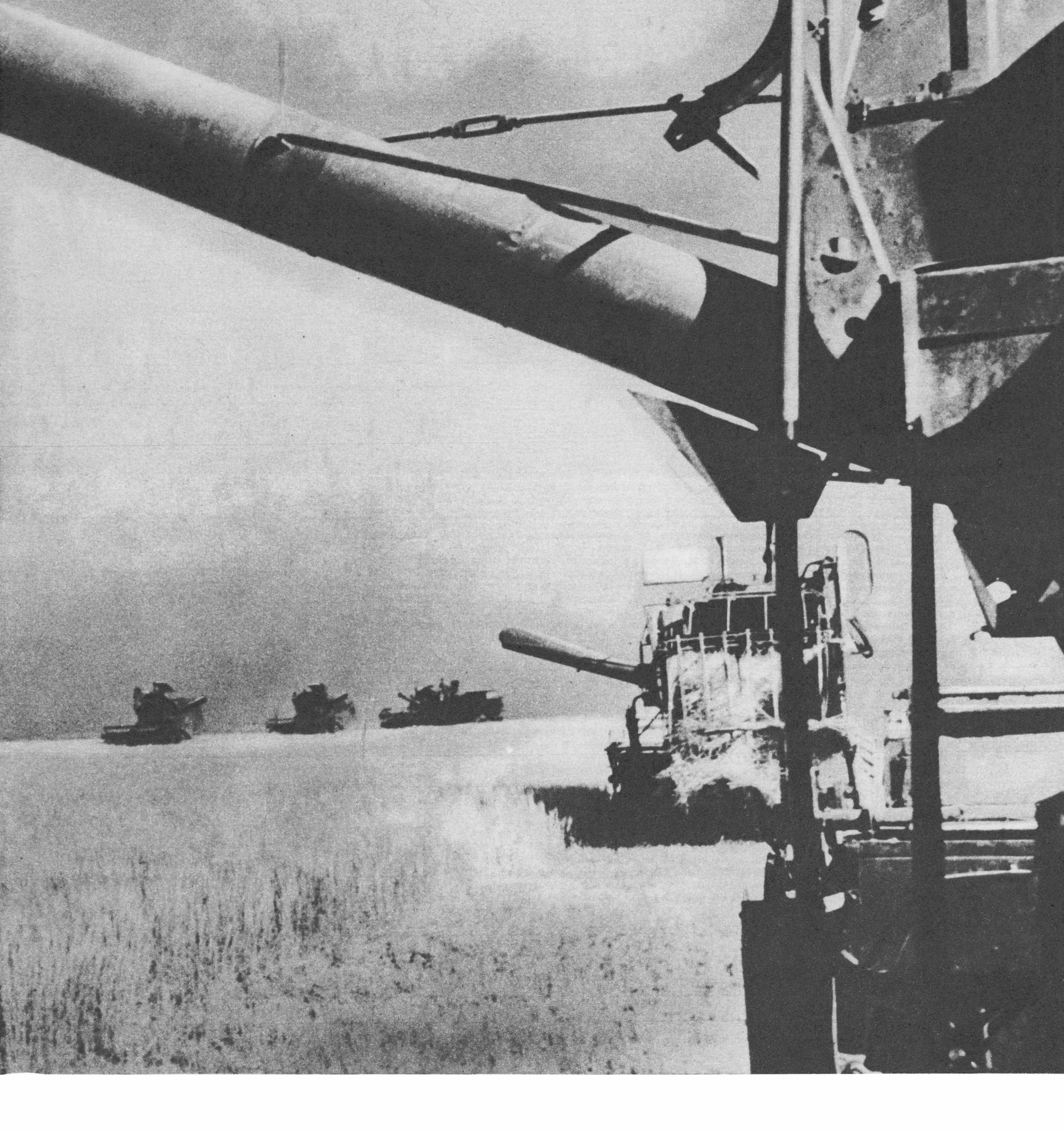
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 27 (2452)

1 ИЮЛЯ 1974

ТЕПЕРЬ — ЖАТВА!

Долгой оказалась в этом году весна, долгой, затяжной и холодной. Капризы ее мешали хлеборобам, в ряде районов были отодвинуты сроки сева. В Среднем Поволжье дожди переувлажнили почву, в центральных районах страны полевым работам препятствовали нежданные холода, а в Казахстане и Западной Сибири, наоборот, уходящая весна удивила земледельцев засушливой жарой... Но причуды погоды не могут помешать битве за высокий урожай 1974 года. В июньские дни на полях страны можно было увидеть и сеялку, и культиватор, и комбайн. Завершив сев, колхозы и совхозы тут же приступили к уходу за посевами. Там, где летняя страда еще не наступила, приводятся в порядок уборочные агрегаты, зерноочистительные механизмы, сушилки. В этом году на поля выйдет более 30 тысяч новых комбайнов «Нива» и «Колос».

Экзамен сева позади. Теперь — жатва...

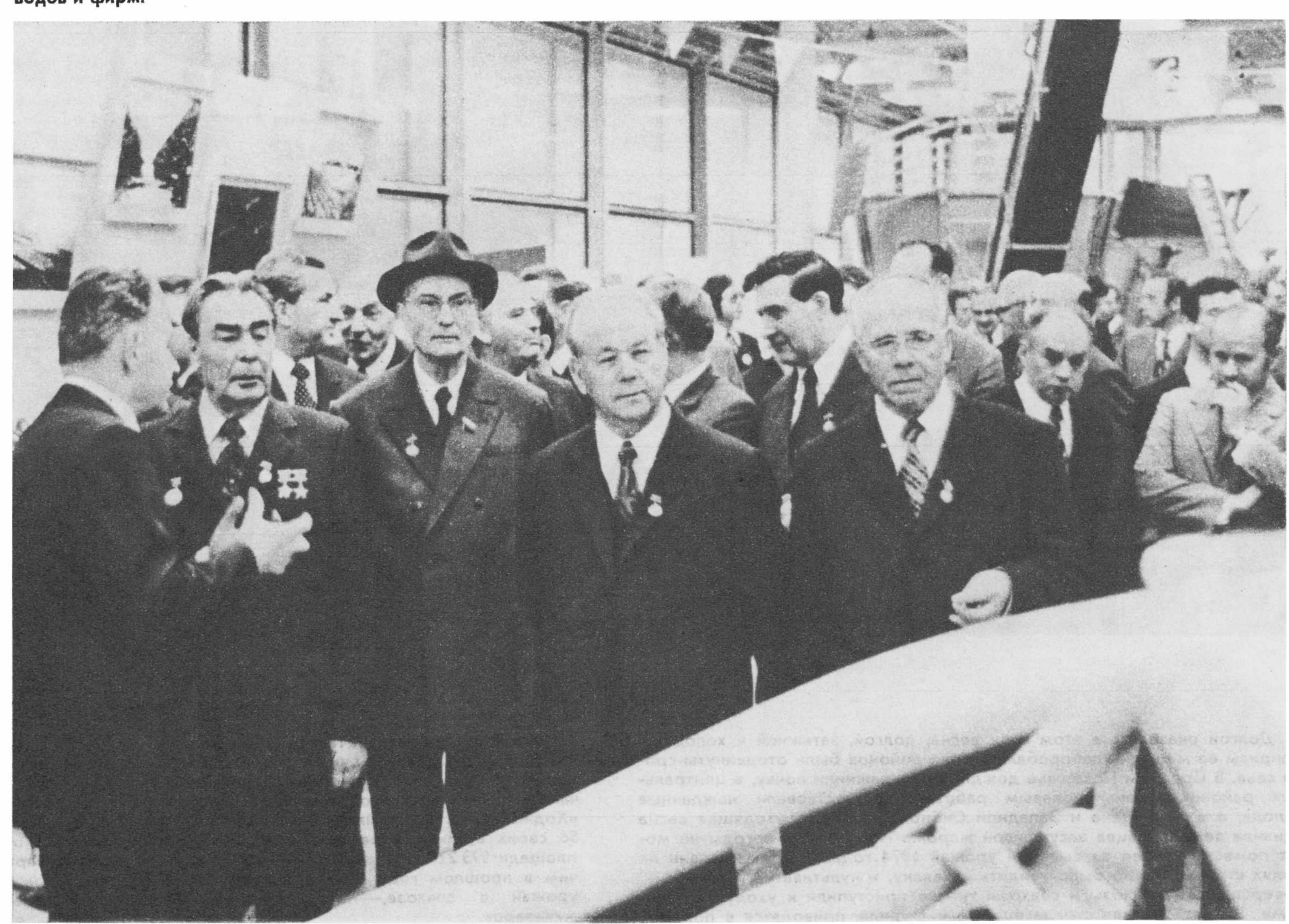
Пройдут считанные дни, и дозреют хлеба на Кубани. На юге страны — в Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Грузии — жатва уже началась. В Чимкентской области первыми уборку ячменя начали в совхозе «Ходжатугайский», Кзылкумского района. Комбайнеры вывели на поля 56 своих степных кораблей, которым предстоит убрать колосовые с площади 593 220 гектаров — это на 20 с лишним тысяч гектаров больше, чем в прошлом году. Среди тех, кто своим трудом множит высокие урожаи в совхозе,— передовой комбайнер, комсомолец Айтбай Ахназаров.

Фото А. ИДРИСОВА (ТАСС).

21 июня международную выставку «Кормопроизводство-74» посетили товарищи Л. И. Брежнев, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, а также заместители Председателя Совета Министров СССР В. Н. Новиков, З. Н. Нуриев, ответственные работники ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Руководители партии и правительства осмотрели экспозиции Советского Союза и ряда фирм других стран. Пояснения давали председатель Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» Совета Министров СССР А. А. Ежевский, министр машиностроения для животноводства и кормопроизводства К. Н. Беляк, первый заместитель министра сельского хозяйства СССР Л. И. Хитрун, представители заводов и фирм.

На снимке: руководители партии и правительства во время посещения выставки.

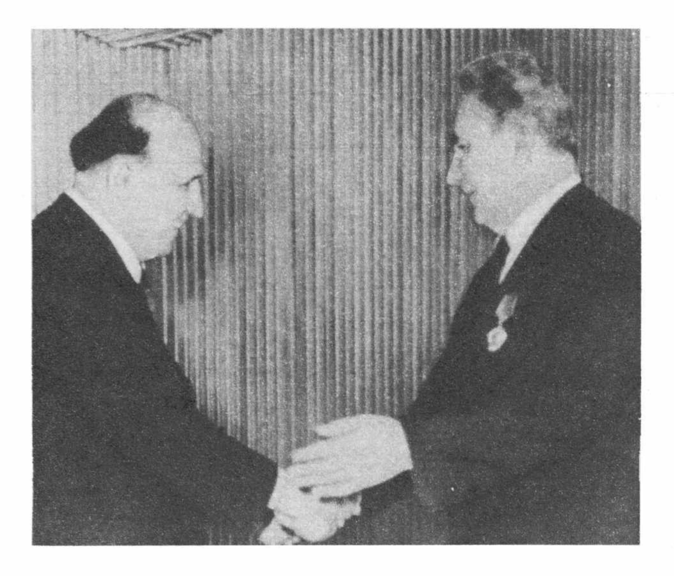
Фото В. Мусаэльяна. (ТАСС.)

24 июня в Кремле члену Политбюро ЦК КПСС, председателю Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР Ю. В. Андропову были вручены орден Ленина и золотая медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда.

На снимке: руководители партии и правительства при вручении награды товарищу Ю. В. Андропову.

Фото в. мусаэльяна (ТАСС).

В связи с 70-летием со дня рождения и за выдающиеся заслуги в развитии и укреплении болгаро-советской дружбы, в расширении и углублении всестороннего братского сотрудничества между Советским Союзом и Народной Республикой Болгарией Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин награжден орденом Георгия Димитрова.

В Софии, в здании Государственного совета НРБ, Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков вручил А. Н. Косыгину высокую награду.

На церемонии вручения присутствовали Председатель Совета Министров НРБ С. Тодоров, другие партийные и государственные деятели Болгарии.

Отметив большие заслуги А. Н. Косыгина в развитии братского сотрудничества между Советским Союзом и Болгарией, Т. Живков пожелал ему долгих лет жизни, крепкого здоровья и новых больших успехов в его ответственной работе на благо советско-болгарской дружбы, на благо социализма.

На снимке: после награждения.

Телефото В. Егорова (ТАСС).

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Николай ПАСТУХОВ

В момент, когда пишутся эти строки, гостиница «Интурист» на улице Горького уже полностью перешла в распоряжение Международного пресс-центра, который 27 июня начнет освещать пребывание в СССР президента США Р. Никсона.

Здесь, как и два года назад, созданы все необходимые условия для нормальной и бесперебойной работы средств массовой информации. Вести из Москвы по линиям связи Пресс-центра будут молниеносно передаваться в любую точку нашей планеты, вести, которых с нетерпением ждет вся мировая общественность.

Этот интерес к новой московской встрече руководителей СССР и США вполне понятен, ибо от ее успеха во многом будет зависеть дальнейшее оздоровление международного климата, новые позитивные сдвиги в развитии советско-американского сотрудничества на благо мира и разрядки напряженности.

Но, к сожалению, не все еще в мире придерживаются этой точки зрения. В частности, институты военно-промышленного комплекса США до сих пор не могут преодолеть инерцию «холодной войны», не в состоянии взглянуть новыми глазами на изменившийся мир. Политические представители этого комплекса и его органы печати пытаются сеять пессимизм, разжигают антисоветизм, предсказывают неудачу новой московской встрече в верхах.

Мне вспоминаются майские дни 1972 года. Президент США уже был в Москве, а из Международного пресс-центра гостиницы «Интурист» кое-кто передавал самые мрачные прогнозы исхода московских переговоров. Но жизнь внесла серьезные коррективы в эти прогнозы. СССР и США подписали огромной важности документы: об основах наших взаимоотношений в соответствии с принципами мирного сосуществования, о первых шагах в ограничении стратегических вооружений, а также целый ряд других соглашений о взаимовыгодном сотрудничестве во многих областях. Позднее было заключено историческое соглашение о предотвращении ядерной войны. Таким образом, советская Программа мира продемонстрировала свою жизненность, что, естественно, является результатом возросшего влияния сил социализма на весь ход развития современной истории.

И вот сейчас снова зашевелились призраки «холодной войны», снова кликушества, мрачные прогнозы. В речи перед избирателями Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев сказал: «В зарубежной печати можно встретить пессимистические оценки возможных итогов встречи в Москве. Мы думаем иначе. Улучшение советско-американских отношений может и должно продолжаться».

Ни для кого не является секретом тот факт, что Советский Союз и США имеют различные социальные системы, что они занимают непримиримые идеологические позиции. Но означает ли это, что между ними должна быть конфронтация по линии межгосударственных отношений? Два года, прошедшие после первой московской встречи в верхах,— наглядное свидетельство того, что конфронтацию можно не только избежать, но и встать на путь жизнеутверждающего сотрудничества, которое строится на принципах мирного сосуществования.

И, что особенно является отрадным, сторонников этой истины в США все больше и больше. Вот что сказал недавно К. Раш, помощник президента США по вопросам экономической политики:

— В течение двадцати пяти лет отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом характеризовались периодическими конфронтациями. Поездка президента Никсона в Советский Союз в 1972 году заложила основы для улучшения отношений между обеими странами. Теперь мы широко укрепляем наши связи с Москвой. Мы признали роль друг друга в деле обеспечения стратегической устойчивости и уменьшения риска ядерной войны. Мы устанавливаем широкие контакты — экономические, культурные и научные, которые характеризуют наши отношения, взамен враждебности, существовавшей в прошлом.

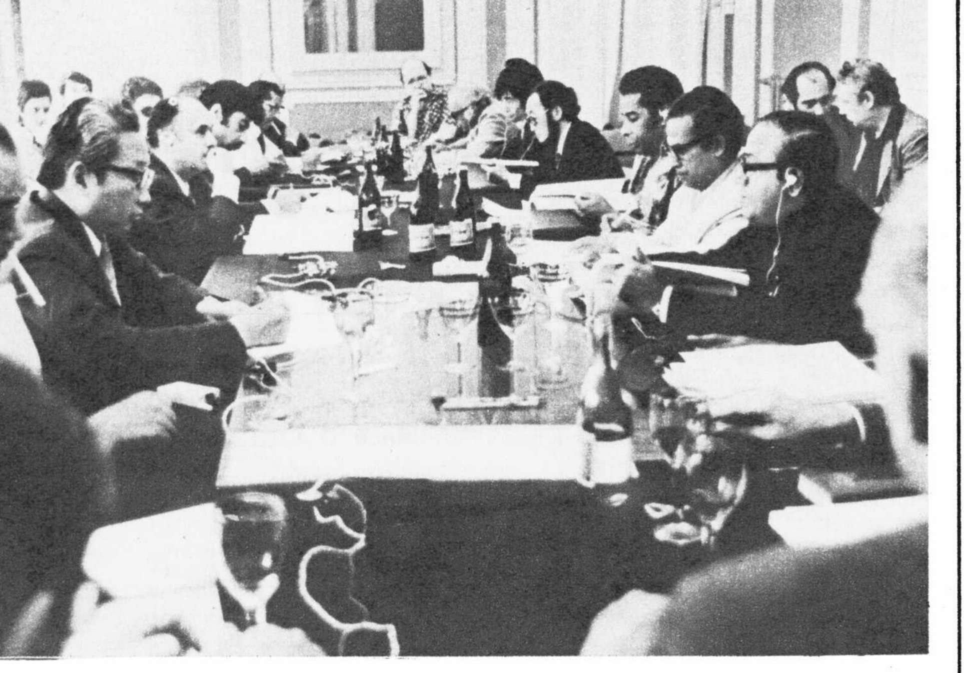
Видные лидеры как республиканской, так и демократической партий в своих официальных заявлениях выразили одобрение поездке президента США Р. Никсона в Советский Союз. Эта третья по счету советско-американская встреча в верхах, по их мнению, явится еще одним важным шагом в развитии сотрудничества между двумя странами.

— Президент едет в Москву,— заявляет сенатор-демократ Г. Макги,— в качестве представителя американского народа. И вместо того, чтобы препятствовать исполнению президентом своих обязанностей, конгресс должен поощрять встречу в верхах, которая состоится в конце июня в Москве. Президент едет в Москву, опираясь на поддержку американским народом политики разрядки напряженности в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Помимо политических аспектов советско-американских отношений, которые принесли в международные отношения дух разрядки, сейчас уже можно подвести некоторые итоги и успешного делового сотрудничества между нашими странами. Свыше 80 американских компаний участвуют в поставках оборудования для Камского завода тяжелых грузовиков. Идет подготовка к строительству близ Куйбышева мощного комплекса по производству химических удобрений, заключены контракты на поставки американского оборудования для завода железорудных окатышей в Кременчуге. Американские фирмы поставят оборудование для строительства новых целлюлозно-бумажных комбинатов, а также для целого ряда других объектов. Американские фирмы, со своей стороны, покупают у нас необходимые им товары и лицензии.

Серьезный поворот в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами, происшедший за последние годы, отвечает интересам советского и американского народов, содействует общему оздоровлению современных международных отношений.

Советские люди желают новых успехов советско-американской встрече в верхах.

Во время работы сессии.

НОВАЯ ВСТРЕЧА АФРО-АЗИАТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Недавно в Москве проходила сессия Постоянного бюро Ассоциации писателей стран Азии и Африки. В ней участвовали представители Алжира, Анголы, Бангладеш, Египта, Индии, Народной Демократической Республики Йемен, Кении, Ливана, Монголии, Сьерра-Леоне, Сенегала, СССР, Судана, ЮАР, Японии и гости из Филиппин и ГДР.

Обсудив отчетный доклад Генерального секретаря Ассоциации Юсефа эс-Сибаи о деятельности этой организации за период между двумя сессиями, участники заседания рассмотрели перспективный план деятельности Ассоциации и приняли решение провести в ближайшие годы ряд крупных литературно-общественных мероприятий, которые призваны содействовать укреплению и расширению рядов афро-азиатского писательского движения.

Члены жюри по премиям «Лотос» рассмотрели на своем заседании кандидатуры лауреатов за 1973 год. За плодотворную литературную деятельность, способствующую взаимопониманию и укреплению дружбы между народами, за большой вклад в дело сплочения литераторов двух континентов премии «Лотос» были присуждены писателям, имена которых широко известны за пределами их стран. Среди них видный египетский писатель Юсеф эс-Сибаи, турецкий прозаик Азиз Несин, советский писатель Анатолий Софронов. Премии «Лотос» были присуждены также двум палестинским писателям, отдавшим жизнь в борьбе за освобождение своей родины,— Камалю Насеру и Гасану Канафани.

Участники сессии гневно осудили террор кровавой хунты в Чили и потребовали немедленного освобождения всех политических заключенных, томящихся в застенках фашистской диктатуры.

«Мы, афро-азиатские писатели,— говорится в заключительной декларации,— будем и впредь вместе со своими народами и всеми прогрессивными силами вести борьбу за мир и социальную справедливость».

О. АГЗИБЕКОВ

Юсеф эс-Сибаи и Камиль Яшен на заседании.
Фото А. Награльяна.

АМЕРИКАНЦЫ В ЛЕНИНГРАДЕ

Их триста — врачи, бухгалтеры, судьи, инженеры, бизнесмены... Они пустились в кругосветное путешествие на комфортабельном лайнере «Монтерей», чтобы своими глазами видеть мир. Огромный интерес американцев к Ленинграду побудил компанию «Америкен экспорт лайнз» определить самую долгую стоянку именно здесь. Теплоход ошвартовался ранним утром. Мы поднялись на борт и познакомились с капитаном Петером Малколмом. Он бывалый моряк, плавает свыше сорока лет, но вот в Ленинграде впервые, и корабль этот тоже ни разу сюда не заходил.

— На подходе к Ленинграду,— рассказывает капитан,— мы видели шедший в ваш порт американский грузовой теплоход. Это очень приятно. Чем чаще суда США и Советского Союза будут встречаться на океанских линиях и в портах, тем лучше будет развиваться торговля.

Пассажиры сходят на ленинградскую землю. Программа у них весьма напряженная. Эрмитаж, Петродворец, Пушкин, памятные места и достопримечательности Ленинграда. Но, несмотря на это, многие туристы имеют и личные планы. Например, известная пианистка, лауреат международных конкурсов Джойс Кэрролл Стенли уже заранее договорилась о посещении филармонии, Союза композиторов, консерватории.

На Невском проспекте туристы неожиданно встретились со своими земляками — моряками и кадетами с учебного судна «Стейф оф Мейн» — оно вошло в гавань в тот же день, что и «Монтерей». Моряки посетили Смольный, познакомятся с морскими учебными заведениями, с Дворцом пионеров...

Американцы считают, что им повезло: дни сейчас бесконечно длинные. Белые ночи пленили гостей. Но некоторые из них все же «изменили» Северной Пальмире и улетели в Москву полюбоваться столицей.

В Ленинграде, в интерклубе моряков, состоялся концерт с участием пианистки Джойс Кэрролл Стенли. В зрительном зале — музыканты, студенты музыкальных училищ, мастера искусств.

— Я очень счастлива сегодня,— сказала Джойс К. Стенли.— Мне много приходилось слышать о высокой музыкальной и театральной культуре ленинградцев, но только что пережитое ни с чем не сравнимо. Музыка удивительно сближает людей.

Доволен своими встречами с коллегами и художник Р. Стенли. Он преподнес им в дар свои этюды, посмотрел Эрмитаж, Русский музей. В Ленинграде он сделал множество карандашных набросков.

И еще одна встреча состоялась на Петроградской стороне: американских туристов — художника и пианистку — пригласила семья медика Зиновьева. Их дочь Наташа — тоже пианистка, воспитанница консерватории. За рояль музыканты садились по очереди. И у хозяев и у гостей настроение отличное! На прощание Р. Стенли сказал:

— Я убежден, что новая московская встреча в верхах послужит дальнейшему развитию добрых отношений между нашими народами.

К. КОНСТАНТИНОВ

ИТАЛИЯ: ПРОФАШИСТСКИЙ ШАБАШ

Рим: «Нет фашизму!» Фото ТАСС

Это произошло в итальянском городе Брешиа, расположенном к востоку от Милана. На площади Делла Лоджиа состоялся антифашистский митинг. Две тысячи его участников слушали речь профсоюзного руководителя Франко Кастреццати. Вдруг раздался оглушительный взрыв: девяносто четыре раненых, шесть человек погибли.

— В первое мгновение я подумал,— заявил позже Франко Кастреццати,— что произошел взрыв газа в цилиндре мотора какой-нибудь из машин... Я пришел в ужас, увидев десятки тел, разбросанных повсюду на Делла Лоджиа, и моего брата, бегущего ко мне навстречу с залитым кровью лицом.

Еще одно кровавое преступление неофашистов, и снова виновники остались на свободе. Обнаглевшие террористы, чувствуя свою безнаказанность, направили в редакции газет письма. В них они открыто взяли на себя ответственность за кровавое злодеяние и угрожали новыми актами насилия против демократов.

Так что напрасно итальянская полиция утверждает, что преступников найти не удалось. Следы трагедии Делла Лоджиа ведут в штаб-квартиру партии последышей Муссолини — Итальянское социальное движение.

Неофашисты не скрывают своих намерений воспользоваться нынешними трудностями, переживаемыми Италией: обостряющийся экономический кризис и неустойчивость левоцентристского правительства, раздираемого внутренними противоречиями. Планы чернорубашечников ясны. О них сообщили агентству АНСА в письме погромщики из группировки «Мстители Италии»: «Скоро мы вам продемонстрируем, что с вашей республикой покончено».

А пока в Италии взрываются бомбы. Взлетают в воздух здания государственных и общественных учреждений, левых политических партий, гибнут люди. Неофашисты делают все, чтобы создать в стране обстановку паники и неуверенности и тем самым облегчить себе захват власти.

Однако их происки наталкиваются на решительный отпор народных масс. Двадцать миллионов итальянцев приняли участие в демонстрациях и митингах протеста, проходивших по всей стране, после того, как стало известно о преступлении в Брешии. «Нет фашизму!» — провозглашает сегодня вся прогрессивная Италия.

Ю. СВЕРДЛОВ

Маршал Советского Союза
Георгий Константинович
ЖУКОВ

18 июня 1974 года после тяжелой продолжительной болезни скончался выдающийся советский полководец, один из активных строителей Вооруженных Сил СССР, четырежды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Советский народ и его Вооруженные Силы понесли тяжелую утрату. От нас ушел видный военный деятель, прославленный герой Великой Отечественной войны, вся жизнь которого является ярким примером беззаветного служения Коммунистической партии, социалистической Родине, делу укрепления ее обороноспособности.

Г. К. Жуков родился 2 декабря 1896 года в деревне Стрелковка, Угодско-Заводского района, Калужской области, в семье крестьянина-бедняка. Подростком он начал свою трудовую жизнь. Во время первой мировой войны был призван в армию. Великая Октябрьская социалистическая революция застала его председателем солдатского комитета эскадрона. С созданием Красной Армии он вступает в ее ряды. В 1919 году Г. К. Жуков становится членом большевистской партии. Неразрывно связав всю свою последующую жизнь с Советскими Вооруженными Силами, Георгий Константинович прошел славный боевой путь от рядового до Маршала Советского Союза.

Активно участвуя в гражданской войне, Г. К. Жуков храбро сражался на Восточном и Южном фронтах, под Царицыном и против белых банд в центре России.

В последующие годы Г. К. Жуков находился на ответственных командных должностях. Когда японские милитаристы напали на Монгольскую Народную Республику в районе реки Халхин-Гол, советские войска под его командованием, выполняя интернациональный долг, вместе с братской армией МНР наголову разбили противника. В сложное предвоенное время он командовал войсками Киевского особого военного округа, а в январе 1941 года был назначен начальником Генерального штаба — заместителем народного комиссара обороны.

Особенно ярко раскрылся полководческий талант Г. К. Жукова в Великой Отечественной войне. Коммунистическая партия направляла его на самые трудные участки борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Командуя войсками Ленинградского и Западного фронтов, он был одним из организаторов обороны Ленинграда и Москвы. Как представитель Ставки и первый заместитель Верховного главнокомандующего, он координировал действия Сталинградского и Донского фронтов, сыграл видную роль в разгроме гитлеровских войск на Курской дуге, в освобождении Украины и Белоруссии. На заключительном этапе войны Г. К. Жуков командовал 1-м Белорусским фронтом, войска которого во взаимодействии с другими фронтами добили врага в его собственном логове. На всех постах, которые ему поручались партией, Г. К. Жуков проявлял несгибаемую волю, мужество и организаторский талант. Он лично участвовал в разработке и осуществлении крупных стратегических планов и операций. Этим Георгий Константинович заслужил широкую популярность и глубокое уважение советских людей, воинов Армии и Флота.

В послевоенное время Г. К. Жуков командовал Группой советских войск в Германии, войсками ряда военных округов, был первым заместителем министра обороны и министром обороны СССР. Он активно участвовал в общественно-политической жизни страны, был делегатом ряда партийных съездов, неоднократно избирался в состав ЦК КПСС, входил в Президиум Центрального Комитета партии, являлся депутатом Верховного Совета СССР многих созывов.

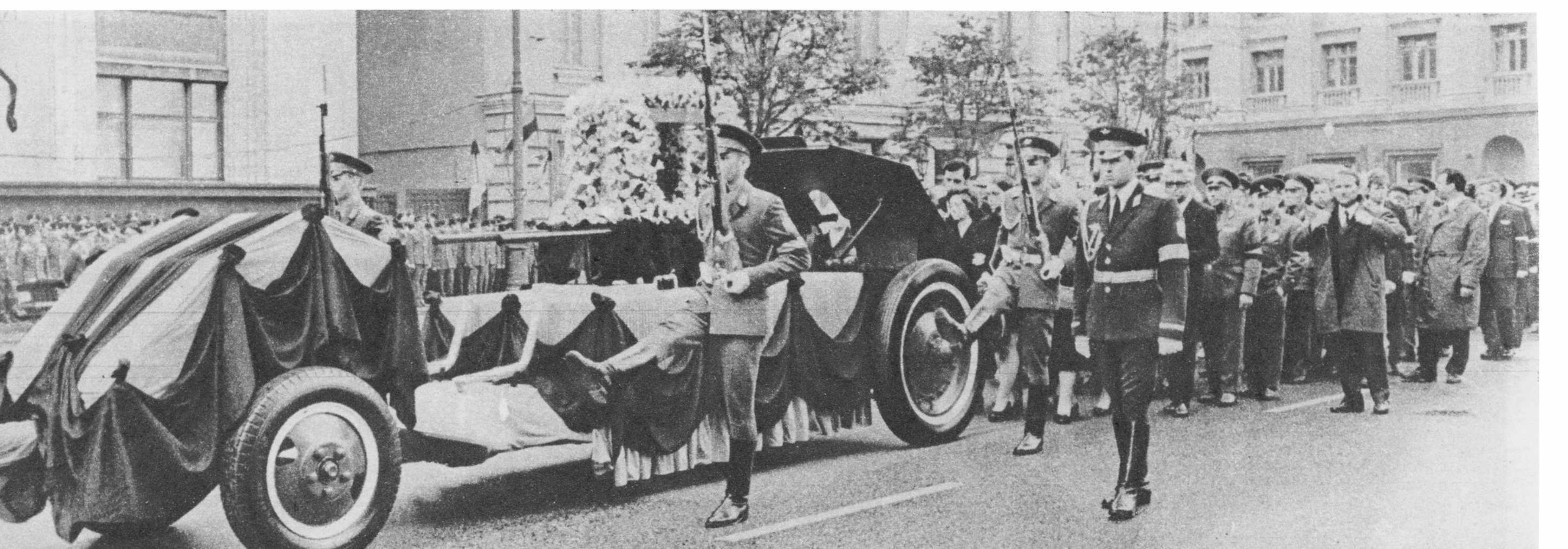
Выдающиеся заслуги Г. К. Жукова были достойно отмечены Коммунистической партией и Советским государством. Он четырежды удостоен звания Героя Советского Союза, награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами «Победа», тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени и многими медалями, а также орденами и медалями ряда социалистических стран и других государств. Г. К. Жуков — Герой Монгольской Народной Республики.

Светлая память о Георгии Константиновиче Жукове — верном сыне ленинской партии, мужественном солдате и талантливом полководце навсегда сохранится в сердцах советских людей.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Г. Ф. Сизов, Л. В. Смирнов, И. И. Якубовский, В. Г. Куликов, А. А. Епишев, С. Л. Соколов, В. Ф. Толубко, И. Г. Павловский, П. Ф. Батицкий, П. С. Кутахов, С. Г. Горшков, К. С. Москаленко, С. К. Куркоткин, Н. Н. Алексеев, Н. В. Огарков, А. Т. Алтунин, А. В. Геловани, И. Х. Баграмян, А. М. Василевский, П. К. Кошевой, В. И. Чуйков, Ф. И. Голиков, Б. П. Бугаев, Н. И. Савинкин, Л. И. Греков, В. П. Аманшин, С. И. Руденко, П. И. Батов, С. М. Штеменко, К. Ф. Телегин.

Краснознаменный зал Центрального Дома Советской Армии имени М. В. Фрунзе. В почетном карауле — руководители Коммунистической партии и Советского правительства.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ МУЖЕСТВЕННОМУ СОЛДАТУ!

Тысячи и тысячи людей шли 21 июня, как и накануне, в Центральный Дом Советской Армии, шли, чтобы отдать последний долг и дань глубокого уважения выдающемуся советскому полководцу, четырежды Герою Советского Союза, Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову, вся жизнь которого была ярким примером беззаветного служения Коммунистической партии, социалистической Родине, делу укрепления ее обороноспособности.

На похороны прославленного маршала прибыла делегация из Калужской области — с родины Г. К. Жукова, военные делегации Группы советских войск в Германии, ряда военных округов.

На похороны талантливого советского полководца прибыли и возложили венки военные делегации социалистических стран.

Под звуки траурного марша члены правительственной комиссии по организации похорон выносят урну с прахом Г. К. Жукова из зала и устанавливают на катафалк. У Дома союзов урну переносят на орудийный лафет. В сопровождении воинского эскорта траурная процессия движется на Красную площадь, где собрались тысячи представителей трудящихся столицы, выстроились воинские подразделения. Урна с прахом Г. К. Жукова устанавливается на постамент.

На трибуну поднимаются товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. М. Машеров, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов.

По поручению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства траурный митинг открыл председатель комиссии по организации похорон член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

На траурном митинге со словами прощания выступили маршал авиации С. И. Руденко, секретарь МГК КПСС Л. И. Греков, слесарь-инструментальщик Калужского электромеханического завода В. П. Аманшин, заместитель министра национальной обороны ГДР генерал-лейтенант Хорст Штехбарт.

Ветеран Великой Отечественной войны В. П. Аманшин сказал:

— Мне довелось быть в рядах советских воинов, штурмовавших Берлин в составе войск Первого Белорусского фронта, которым командовал маршал Жуков. Скажу откровенно: мы, солдаты, идя в этот бой, были уверены в победе. Каждый из нас чувствовал мощь своей Родины, знал, что войсками управляет твердая и умелая рука прославленного полководца. Славные ратные дела маршала Жукова навсегда останутся в памяти советского народа... Вечная память мужественному солдату, верному сыну партии и народа Георгию Константиновичу Жукову!

После окончания траурного митинга руководители Коммунистической партии и Советского правительства поднимают урну с прахом Г. К. Жукова и направляются к Кремлевской стене. Под троекратный залп артиллерийского салюта урна устанавливается в нише и закрывается мраморной плитой.

Отдавая последние воинские почести Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову, по Красной площади, чеканя шаг, проходят воины Советской Армии.

Фото С. ГУРАРИЯ и В. КЛИМОВА.

КАК ЗЕНИЦУ ОКА

Почти вся моя сознательная жизнь прошла в армии, и лучшие ее годы — более полувека — в рядах Советских Вооруженных Сил. По себе знаю, служба в армии и в мирное время нелегка, а в военное — тем более. От военнослужащего (какое бы звание он ни носил — солдата или маршала) требуется прежде всего понимание и чувство личной ответственности за ту высокую обязанность, которую возложила на него Родина. Так было, и так будет, ибо недаром в нашей Конституции есть слова, полные глубокого смысла: «Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР».

Вдумайтесь в слова «священный» и «каждого». Насколько точно определяют они долг гражданина быть всегда готовым к защите своей Родины. Военные испытания всей своей тяжестью прежде всего ложатся на плечи молодежи, которая в минуты опасности находится в строю. Так было 22 июня 1941 года: первую кровь пролили солдаты призыва 39-го и 40-го годов....

Здесь мне хотелось бы напомнить одну истину, о которой нужно всегда помнить нашей молодежи. Как бы ни была совершенна военная техника, какие бы масштабы, характер и способы ни носила война, главную роль в ней играл, играет и будет играть человек. Новейшее оружие, в том числе и средства массового поражения, не умаляет роли людей в войне. Наоборот, современная война потребует участия в ней огромных масс народа. С одной стороны, непосредственно в вооруженной борьбе, а с другой — в военном производстве, всестороннем обеспечении этой вооруженной борьбы.

Какими же качествами должен обладать современный советский воин? Мой жизненный опыт, опыт участия в войнах и сражениях дает право сказать: советский воин — это горячий патриот своей Родины, всегда готовый на героический поступок и проявление мужественной стойкости в боях за свое Отечество, он должен быть примером высокой коммунистической сознательности, достигнуть глубоких и обширных военно-технических знаний, быть всегда и при любых обстоятельствах дисциплинированным. Без этих элементов не будет полноценного воина.

Как стать таким воином? Нелегко. Эти качества советский человек должен воспитывать в себе с детства. Школа, пионерская организация, комсомол, Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту, спортивные общества — вот его помощники в формировании всех этих качеств.

Чтобы стать сознательным воином, необходимо обладать коммунистическим мировоззрением, надо хорошо знать историю нашего народа, историю его борьбы под руководством Ленинской партии за нашу жизнь, знать, какие трудности, какие тяжкие испытания выпали на долю старших поколений во имя того, чтобы жизнь свободного народа была мирной и счастливой.

Чтобы в совершенстве владеть сложной военной техникой, нужно в школе, техникуме, вузе хорошо учиться, овладевать научными и техническими знаниями, рабочими профессиями.

Чтобы во всем и всегда быть примерным, надо воспитывать в себе умение личные интересы подчинять интересам общества, и прежде чем научиться командовать, надо научиться подчиняться.

Чтобы быть отличным воином, необходимо заниматься спортом, закаливать себя, быть сильным, способным переносить все тяготы военных лишений, нужно неустанно воспитывать в себе волю, стойкость, мужество, умение, не дрогнув, встречать любую опасность.

И еще одно: надо с детства и в семье и в школе — воспитывать в себе и в других сознание, что защита Отечества, служба в Советской Армии — не только священная обязанность каждого; это прежде всего — почетный и благородный долг, дело чести и гордости.

Советская молодежь всегда составляла и составляет костяк Советских Вооруженных Сил. Я знал ее в грозные годы Великой Отечественной войны, видел ее беспримерное мужество, отвагу и стойкость в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Воспитанная Коммунистической партией, советская молодежь всегда была и будет в первых рядах защитников социалистической Отчизны.

И мне хочется пожелать будущим воинам — никогда не забывайте бессмертный завет великого Ленина: «...Будьте начеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии, как зеницу ока...»

Г. Жуков

«Как зеницу ока» — одно из последних выступлений Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Публикуется впервые. Литературная запись обозревателя ТАСС А. Романова.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

МИР ПРИВЕТЛИВОЙ ПРИРОДЫ

Живопись часто сравнивают с музыкой. Их роднит чувство ритма, певучесть линий, звучание красок. Замечательный русский живописец Константин Коровин однажды заметил в своем альбоме: «Пейзаж не писать без цели, если он только красив, в нем должна быть история души. Он должен быть звуком, отвечающим сердечным чувствам. Это трудно выразить словом,— это так похоже на музыку».

Глядя на пейзажи, картины, этюды ленинградского художника, заслуженного деятеля искусств Юрия Подляского, показанные недавно в Центральном Доме работников искусств в Москве, невольно вспоминаешь коровинские слова. Мир, полный гармонии, раскрывается в его полотнах, поющих о радости человеческого бытия, о естественной красоте окружающей жизни.

Чистотой, прохладой и ожиданием добрых перемен напоен «Майский полдень», когда стройные, устремленные в высокое прозрачное небо березы уже готовы раскрыть набухшие красноватые почки и заполнить улицу дачного поселка молодым «зеленым шумом». Звучит ноктюрном «Теплая летняя ночь», и через открытое окно веранды льется призрачный, загадочный лунный свет. Свободно дышит вспаханная земля в картине «Зябь поднята». Огни поселка, пробивающиеся сквозь сырую завесу воздуха, напоминают о тепле и уюте человеческого жилья («Огни колхозной ГЭС»).

И невольно думаешь о том, что так тонко почувствовать драгоценность обычных, казалось бы, явлений, найти поэтическое в обыденном может человек, сам многое переживший. Сейчас Юрию Станиславовичу пятьдесят один год, а в начале войны, в первую блокадную зиму в Ленинграде, ему было восемнадцать. С трудом удерживая в обессилевших, коченеющих пальцах карандаш, он рисовал страшные картины тех дней: походы за водой к Неве, разрушенные дома, рытье окопов в Петергофе и молчаливые проводы в последний путь на детских санках. На улицах, на набережной, где высится здание Академии художеств, люди падали от истощения и замерзали. Раз в день ученики художественной школы и студенты академии поднимались на второй этаж и получали дрожжевой суп — слабое подкрепление, скорее для того, чтобы дать ребятам побыть вместе. Там же отмечали неявившихся: не пришел — значит, погиб.

Надо было сопротивляться пронизывающему до костей холоду, слабости, головокружению — работать.

— Оставайтесь художниками,— говорили преподаватели,— рисуйте то, что видите вокруг. Пишите летопись блокады...

Дважды в стылых залах академического интерната открывалась выставка рисунков. Академия жила. Но когда в декабре 1941 года начинающего художника призвали в армию, у него оказалась жестокая дистрофия, водянка, отекшие ноги. Его оставили при военкомате писать плакаты, лозунги...

Эта зима навсегда осталась в памяти живописца. Бережно хранит он зарисовки блокадного города. Все пережитое и выстраданное тогда помогает ему особенно остро почувствовать и передать в своих картинах многоцветную, яркую, полнокровную жизнь сегодняшнего дня.

Вот портрет звеньевой Марии Семеновой: в овчинном полушубке, расписном платке, веселая, энергичная, белозубая. Глядя на нее, такую крепкую, сильную, вспоминаешь некрасовские строки о русских женщинах.

Или другое полотно — «С колхозных полей», ода плодородию, гимн труду человеческому. На исходе осени по шоссе проносятся машины, груженные щедрым урожаем. А в кузове — раскрасневшиеся, довольные женщины. Мчится грузовик, хлопает по бортам брезент, мелькают придорожные дома. И возникает чувство радости, словно прикоснулся к чему-то искреннему, свежему, бодрящему.

Когда же пришло к художнику такое восприятие жизни? Может быть, в Самарканде — туда эвакуировали академию. Студенты жили по законам военного времени. Строили узкоколейку, работали в колхозе, ухаживали за ранеными. Под горячими лучами солнца постепенно отогревались застывшие лица, руки снова обретали гибкость, уверенность, глаза жадно впитывали неожиданные, звучные краски Востока. И хотя в тылу тоже было нелегко, к ребятам постепенно приходили силы.

Через год их перевели под Москву, в старинный заснеженный Загорск. Этот живописный городок, такой знакомый по картинам Юона, был словно подарок студенту. Учиться сейчас, в это суровое время,— значит работать и работать, считал он. И вместо трех этюдов с натуры, предусмотренных программой, сделал тридцать — целую персональную выставку; о ней с похвалой отозвался Грабарь.

Послевоенная жизнь все более полно захватывает художника. Он увлеченно пишет колхозную деревню, много ездит по Сибири, бывает на Байкале и Ангаре, плывет на пароходе по Иртышу и Оби от Омска до Салехарда. Его влекут новостройки, хочется показать становление индустриальной Сибири, и Юрий Подляский создает большие полотна о преображенном крае, пишет портреты строителей Иркутской и Братской ГЭС.

И все-таки в глубине души каждого художника есть, очевидно, тяга к каким-то излюбленным, особенно близким ему уголкам земли, сюжетам, мотивам. Возвращаясь из дальних поездок по гигантским строительным площадкам в деревню Рождествено или позже на станцию Карташевская под Ленинградом, особенно пристально вглядывается в скромные пейзажи дорогих сердцу мест, внимательно наблюдает мерцание голубого инея на деревьях, очертания которых расплываются в морозной пелене, всматривается в прозрачные лепестки настурций, пламенеющие в лучах полуденного солнца, в глубокие тени на сыром апрельском снегу. В дневнике живописца появляются новые записи; вот одна из них, весьма характерная для того времени:

«Утро было сырое и хмурое. Пошел в лес. Шел медленно, так как через каждые сто шагов развертывались все новые и разнообразные мотивы задумчивой, пасмурной, элегически-грустной осени. Я шел завороженный, как во сне. Как хотелось написать хоть сотую долю увиденного!»

После многих выполненных к тому времени тематических полотен художник понял, что не сможет ими ограничиться. Он и раньше чувствовал склонность к пейзажу, теперь же все сильнее была потребность писать окружавшую природу. Вот то дерево, например, что стоит особняком в лугах, широко раскинув ветви; его неровный, искореженный ствол словно кричит о том, как трудно сопротивляться в одиночку всем ветрам, засухе, непогоде. Или черные грачиные гнезда на березах, графически четко выделяющиеся в зимний день на белом снегу, и много всего, с чем встречаешься, что видишь постоянно, отмечая про себя неисчерпаемое богатство и красоту мира.

Он пишет этюд за этюдом, находит многообразие и выразительность цветовых оттенков, решает важнейшие живописные задачи в передаче света. Ведь именно свет сообщает предметам объемность, выявляет материал и характер изображенного, намечает перспективу. В пасмурный, серый день он совсем иной, чем после дождя, когда мокрая листва придает ему блеск и прозрачность. Это увидел и блистательно описал Константин Паустовский, заметивший также, что отраженный солнечный свет на опушке соснового леса, напоенный бронзовым отсветом стволов, значительно теплее, чем вдали от опушки.

Наблюдательность, опыт и мастерство необходимы художнику, чтобы передать своеобразие освещения в сумерки, вечером, на рассвете, в разное время года, в поле или у реки. В произведениях ленинградского живописца свет объединяет разнородные части пейзажа, согревает в морозный день сельскую улицу, ложится стальными бликами на холодной осенней воде Сиверского озера, сияет и дрожит в потоках весеннего ручья. В этом поэтическом свете природа как бы дарит людям радость и уравновешенность, она союзник человека и согрета добрым взглядом мастера.

Живопись, сохраняющая свежесть и непосредственность первого впечатления,— вот что ищет, к чему стремится художник. Ему важно передать свое ощущение жизни природы, которое так трудно сохранить при переходе от этюдов к картине. В сюжетах его полотен преобладает словно случайно подсмотренная композиция; его живописная манера, изысканная в своей простоте, всегда оправдана замыслом. И на полотнах рождается мир естественный и безыскусный, где природа приветлива и человечна в своей спокойной сосредоточенности.

Ю. Подляский. МАЙСКИЙ ПОЛДЕНЬ.

Ю. Подлясский. С КОЛХОЗНЫХ ПОЛЕЙ.

ТАЙГА. НАЧАЛО ОСЕНИ.

К 30-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ МИНСКА — СТОЛИЦЫ БЕЛОРУССИИ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВОБОДЫ

Фото С. КОРОТКОВА и М. САВИНА.

На рассвете третьего июля 1944 года в оккупированный фашистами Минск ворвалась советская «тридцатьчетверка». Цифра «145» и белая стрела на башне означали ее номер во 2-м гвардейском Тацинском танковом корпусе генерала А. С. Бурдейного. Буква «Л» говорила, что танк этот из бригады полковника О. А. Лосика.

Ныне легендарная боевая машина стоит на гранитном пьедестале в центре Минска. На мраморной плите, прикрепленной к постаменту, золотыми буквами написано: «Доблестным воинам 4-й гвардейской Минской танковой бригады, вступившим первыми в Минск 3 июля 1944 года при освобождении его от немецко-фашистских захватчиков».

В просторном и светлом кабинете начальника Военной академии бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Малиновского я беседую с профессором, генерал-полковником Лосиком и прошу рассказать, как это было.

Гвардии полковник О. А. Лосик в июле 1944 года.

— Белорусская операция началась двадцать третьего июня. 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус ввели в прорыв двадцать пятого.

4-я гвардейская танковая бригада, которой мне довелось тогда командовать, составляла передовой отряд корпуса. Бригада была усилена самоходно-артиллерийским полком. Как обычно бывает в подобных случаях, я получил задачу не ввязываться в затяжные бои за опорные пункты противника, а как можно быстрее прорываться в оперативную глубину.

Пройдя через леса и болота, мы пересекли дорогу Витебск — Орша и устремились на юго-запад.

В первые дни нашего наступления гитлеровцы, видимо, еще не поняли масштаба всей операции, которая одновременно проводилась войсками четырех советских фронтов. Подтягивая резервы из глубины, они надеялись заткнуть бреши в своей обороне и остановить наступление наших войск. С одной такой вражеской колонной — силою до моторизованного полка с танками,— двигавшейся по шоссе к Орше, мы столкнулись на второй день.

Разведка донесла о подходе этой колонны заблаговременно, и бригада, на ходу развернувшись в боевой порядок, внезапно ударила во фланг врагу. Наша атака была столь стремительной и неожиданной, что фашисты не успели даже развернуться навстречу нашим танкам, мчавшимся из леса. Огонь отдельных вражеских орудий и танков был быстро подавлен, колонна смята и разгромлена. Противник бросил на шоссе артиллерию, автомашины, танки, причем некоторые с работающими моторами. Уцелевшие гитлеровцы в панике разбежались по лесу.

А мы без потерь двинулись дальше, вдоль Минского шоссе, километрах в 10—15 к югу от него...

Экипаж младшего лейтенанта Д. Фроликова (он в первом ряду, в центре) в освобожденном Минске.

— Все так же, через леса и болота?

— В боевой обстановке это было самое верное решение. Немцы прикрывали дороги сильными заслонами из танков и артиллерии. Прибавьте минные поля. Пробиться без тяжелых потерь было невозможно. Да и время мы потеряли бы.

А так мы шли лесными дорогами, о которых нередко знали только партизаны. Они были нашими проводниками и нашим десантом. В особо топких местах партизаны помогали делать гати, наводить переправы, предупреждали о минных полях, засадах.

К главной магистрали мы выходили, только когда обнаруживали скопление вражеской техники и пехоты, откатывавшихся к Минску под ударами основных наших сил или, наоборот, спешивших на помощь своим частям, пытавшимся сдержать наступление советских войск. Эти бои обычно были скоротечны, но жестоки. Каждый раз нам удавалось опередить гитлеровцев, которые долго не могли понять, каким образом у них в тылу оказались советские танки.

Когда бригада вышла к Березине, в район Чернявки, то отступавшие фашисты не успели даже взорвать мост через реку, которая в таком случае могла бы стать серьезным препятствием на нашем пути. Они только подожгли его западный пролет. Наши автоматчики погасили пламя, за ночь отремонтировали мост, а к утру не только бригада, но и главные силы 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса уже переправлялись на другой берег.

К исходу второго июля бригада вышла на рубеж деревень Королев Стан, Битая Гора, Старина, Волма. Тут в ночном бою с танками и мотопехотой мы уничтожили последний вражеский заслон на пути к Минску.

По радио я держал постоянную связь с командиром корпуса Алексеем Семеновичем Бурдейным. Части бригады стремительно продвигались по Минскому шоссе к столице Белоруссии, и я докладывал: «Осталось пятнадцать километров... десять... пять...»

У самого города мы встретили хорошо подготовленную оборонительную позицию врага: минные поля, артиллерия, танки. Прорвать ее с ходу своими силами было невозможно. Бригада остановилась. Я послал в разведку взвод младшего лейтенанта Дмитрия Фроликова. Командиру приданного самоходно-артиллерийского полка приказал отдельными батареями оседлать дороги, ведущие к Минску с севера, чтобы гитлеровцы не могли оттуда прислать подкрепление.

Вскоре Фроликов сообщил: на северо-восточной окраине вражеские оборонительные позиции не полностью заняты войсками. Видимо, фашистское командование все еще считало, что наши войска остановлены на Березине.

Получив это донесение, я решил нанести основной удар по врагу силами двух танковых батальонов на северо-восточной окраине Минска, а с востока атаковать противника одним батальоном. На рассвете 3 июля все танки бригады на полной скорости, ведя огонь на ходу, атаковали врага и ворвались в Минск.

— Вы хорошо помните то утро!

— Разве его забудешь? Тридцать лет прошло, а все как будто вчера.

Время раннее, а на улицы вышли многие минчане: наши пришли! Со слезами радости жители города приветствовали своих освободителей. Кто цветы бросает танкистам, кто какие-то подарки протягивает. А в городе еще враг. Гитлеровцы ведут огонь из подвалов, с верхних этажей, с крыш. В развалинах домов амбразуры. Наши автоматчики выкуривают их из укрытий, мы, танкисты, огне-

вые точки уничтожаем. Кругом жестокий бой, а горожане пренебрегают опасностью. Мы понимаем их. Ведь все давно ждали этого дня! Тем более белорусы, которых было немало в нашей многонациональной бригаде.

Три долгих года шел к своему дому механик-водитель Валентин Белькевич. Четыре ордена, медали были наградой солдату. В оккупированном Минске остались его мать и сестра. Он спешил к ним. Его танк первым прорвался к центру города, под огнем врага проскочил мост через Свислочь. Среди разбитых, сгоревших улиц он отыскал свой дом, встретил родную мать. Но сестру фашисты угнали в Германию. Прощаясь, гвардии старшина поклялся отомстить врагам за все...

Почти одновременно в город ворвались и остальные бригады нашего корпуса: 25-я гвардейская танковая — со стороны Логойского шоссе; 26-я гвардейская танковая — через Слепянку и 4-я гвардейская мотострелковая — с восточной окраины.

Вместе с танкистами в город вошли и партизаны, которые ликвидировали группы противника в зданиях, в подвалах, дотах, наводили в городе порядок, организовывали комендантскую службу.

Несколько позже с севера в город прорвались бригады 3-го гвардейского танкового корпуса из состава 5-й гвардейской танковой армии Маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова.

К середине дня с юго-востока к городу подошли части I Белорусского фронта — 1-й гвардейский Донской танковый корпус генерала М. Ф. Панова, таким образом, было замкнуто кольцо окружения вокруг 100-тысячной группировки врага восточнее Минска.

Встреча двух командиров танковых корпусов в районе Минска на мосту через Свислочь показана в кинофильме «Освобождение» в серии «Направление главного удара».

А вечером Москва салютовала войскам, освободившим Минск, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами. И мы гордились тем, что первым в приказе Верховного Главнокомандующего был назван наш гвардейский танковый корпус.

— В тот вечер вы были еще в Минске?

— Нет. Приказ Верховного мы слушали в Ивенце, это километрах в пятидесяти к западу. Мы очень спешили вперед...

Танкисты знают, что высокие темпы наступления — залог успеха всей операции. Это важное правило войны хорошо знал и двадцативосьмилетний полковник, у которого за плечами, несмотря на молодой возраст, уже были три года войны. Были тяжелые бои лета сорок первого, оборона Киева и Сталинградская эпопея, освобождение Ельни и Смоленска, Витебско-Оршанская операция.

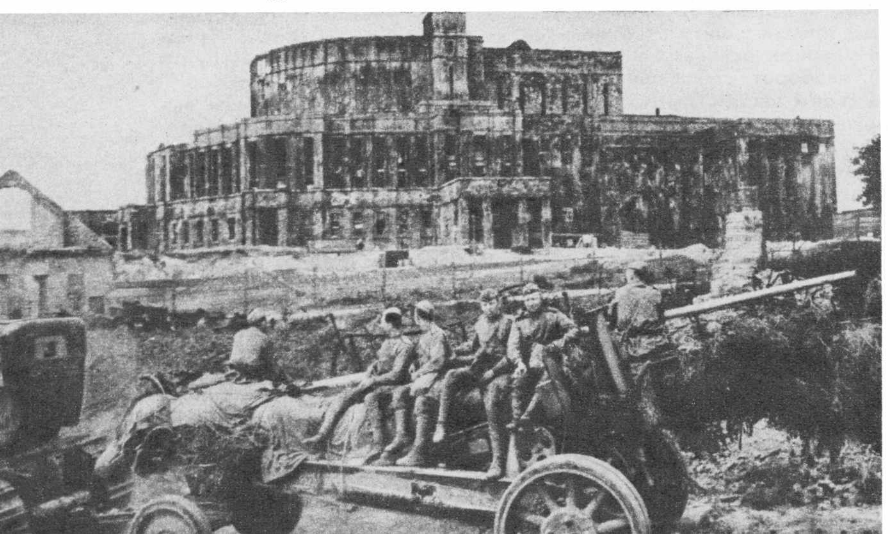
Указ Президиума Верховного Совета о присвоении гвардии полковнику Лосику звания Героя Советского Союза, подписанный М. И. Калининым на следующий день после освобождения Минска, догнал Олега Александровича далеко от белорусской столицы.

Родина высоко оценила подвиг своих сынов, наградив многих отличившихся воинов 4-й гвардейской танковой бригады орденами и медалями. Гвардии лейтенанту С. Митту и гвардии младшему лейтенанту Д. Фроликову было присвоено звание Героя Советского Союза. 4-я гвардейская танковая бригада была награждена орденом Красного Знамени и удостоена почетного наименования «Минской».

Беседу вел Л. Плешаков.

Разведчик гвардии рядовой Сергей Курдюмов.

Минск в день освобождения. Идет артиллерия.

Минск 3 июля 1944 года.

Части Советской Армии форсируют реку Неман.

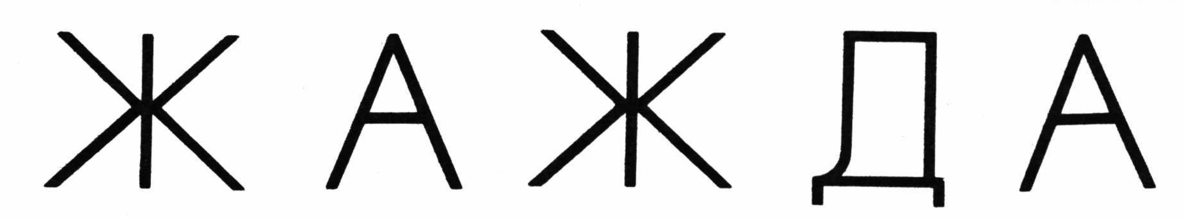

Кавалер ордена «Слава», снайпер Мария Кувшинова.

В освобожденный Минск пришли центральные газеты.

Петрусь **БРОВКА**

ЖАЖДА

* * *

Всего дороже для поэта
Освобожденный дом родной.
Не позабыть вовек то лето,
Когда мы с боем шли домой.

Шли из чащобы партизанской,
Шли из окопов фронтовых.
И Беларусь душевной лаской
Встречала сыновей своих.

Проселком шли, болотом, бором,
Мы каждый выстрадали шаг,
Срывая то ярмо, которым
Нас удушить пытался враг.

И слезы счастья, горя слезы
Текли из материнских глаз.
Казалось, плачут и березы
В тот сладкий час, в тот горький час.

Нас как спасителей встречали
Сосна над Сожем, двинский дуб.
Безмолвно высились в печали
Шеренги обожженных труб.

Они стояли, трубы эти,
Среди громов и тишины,
Как памятники лихолетья
Над пепелищами войны.

Объятья, вздохи, взрывы плача,
Цветов ликующий поток...
Вдруг доносился смех ребячий —
Грядущей радости залог.

Все дальше шли мы, а за нами
Уже шумел воскресший край,
И первый возникал фундамент,
И первый мирный урожай,

И первый рой в саду тенистом,
И трепет мотыльковых крыл.
А флаг победный в небе чистом
Рассветным голубем парил.

ЖАЖДА

Жажда, жажда...
Не от солнца, не от зноя эта жажда.
Вижу Брест и нашу крепость в окружении, в осаде.
Жажда, жажда...
Вижу, к Бугу с котелком ползет отважно
Пехотинец под обстрелом животворной влаги ради.
Жажда, жажда...
Не сдаются раненые, чуть живые,
Жаждут сил набраться новых, выстоять в горниле боя.
Жажда, жажда...
За спиною — Белоруссия, Россия.
Жажда — недругов отбросить, Родину прикрыть собою.
Жажда, жажда...
Жажда неба, древняя мечта о взлете.
Та, что предков над землею вдохновенно возносила.
Жажда, жажда...
Упоенье — в нескончаемой работе.
Утолить такое чувство только творчеству под силу.
Жажда, жажда...
Так любовью обожжет тебя однажды,
Словно ты один в пустыне маешься, жарой палимый.
Жажда, жажда...
И сумеет исчерпать такую жажду
Лишь один родник на свете — губы женщины любимой.

* * *

Чем дольше в мире существую,
Тем явственнее, что ни год,
Я постигаю речь живую
Деревьев, птиц, созвездий, вод.

Я с детства вник в многоголосье
Сосновых рощ, густых дубрав,
Люблю шушуканье колосьев,
И плеск ручья, и вздохи трав.

Я слышу ветра гул распевный
И шум ветвей предгрозовой,
Когда ползут лавиной гневной
Громады туч над головой.

Стихии спорят меж собою,
И состязание кипит,
Пока их гром не перекроет
И молния не ослепит.

Хлеба созрели. Зов счастливый
Мне чудится:— Приди, сожни!
А звезды летние над нивой?
Поют (я слышу) и они.

Вода у мельницы рокочет:
— Тружусь, вращаю жернова...
И о бессмертии хлопочет
Дубов осенняя листва.

Мне эти речи год от года
Понятней, ближе и родней.
Всегда во всем права природа,
Я молча соглашаюсь с ней.

СИНОПТИКАМ

В извечной близости к природе,
Среди озер, среди берез
Судили предки о погоде
И составляли свой прогноз.

Все примечали — цвет заката,
Как вышел месяц в небеса,
Как пели петухи за хатой,
Какая выпала роса.

Приметой, важной для старухи,
Корова вечером была,
Коль рыжая быстрей пеструхи
К хозяйке с пастбища пришла.

И деды, как могли, гадали,
Нехитрым был их курс наук,
Но, гладя бороды, сияли,
Когда угадывали вдруг.

Синоптики! Не в тех приметах,
В ином отгадок ваших суть.
Не для того пишу я это,
Чтоб вашу службу попрекнуть.

Мы доверяем вашим знаньям,
Мы по утрам и вечерам
Выслушиваем со вниманьем
Все, что пророчите вы нам.

Ах, не о том забота, право,
Брать нынче зонтик или нет.
Всем начинаниям державы
Насущно нужен ваш совет.

Как развернуть в полях работы,
Когда нам сеять и косить,
Как подниматься самолетам
И как им при посадке быть.

Как в путь неблизкий собираться
Грузовикам и кораблям.
Неплохо б заодно дознаться,
Как одеваться нынче нам.

Ведь, что греха таить, порою
Вы все же вводите в обман.
По сводкам ожидаешь зноя,
В натуре — слякоть и туман.

Ты вышел в белом — полосует
Тебя неугомонный дождь.
Капели ждешь — мороз лютует,
Кругом жара — ты тучки ждешь.

Беда, коль урожай богатый,
А грозы выдались не в срок...
Тут, впрочем, вы не виноваты,
Синоптик все-таки не бог.

Мы — в ожиданье, вы — в исканье,
У вас талант и опыт есть.
Придет пора — бесспорной станет
От вас полученная весть.

«БУРЖУЙКА»

Чего не вспомнишь, обращаясь
К далеким юношеским дням!
В «буржуйку» был влюблен я, каюсь,
Хочу о том поведать вам.

Я с нею дней провел немало
Всем наставленьям вопреки.
Ах, как надежно согревала
Она в студеные деньки!

За ней ухаживал я смело,
Сосной, березой угощал.
Уж так любимая краснела,
Что сам я чудом не сгорал.

Она нежна была со мною.
Ее я внес в просторный дом,
В былые панские покои,
Где разместился волревком.

Друзья погреться заходили
(Их не смущал мой щедрый пыл)
И даже с тем согласны были,
Что я «буржуйку» полюбил.

* * *

Идя дорогою земною,
В пути прислушиваюсь я:
Что нынче в мире?
Что со мною?
Чем занята душа моя?

То в ней сплошное благолепье,
То ноют сотни старых ран,
То ни единой тучки в небе,
То разверзается вулкан.

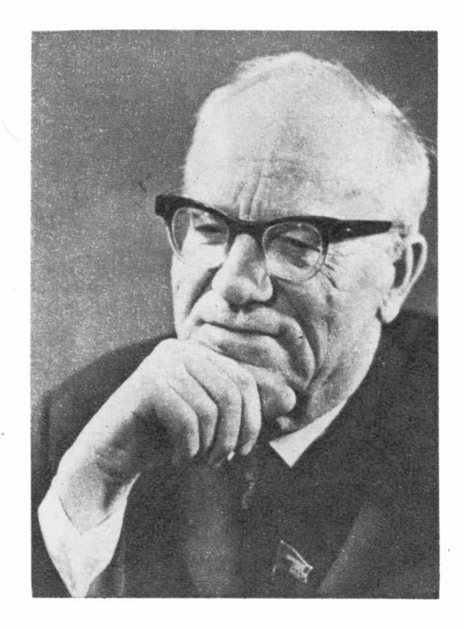
То неуспех,
То лучик славы,
То за подъемом новый спад.
Как изверженье жаркой лавы,
Сверкают страсти и кипят.

Но снова зелен луг весенний
И мир для радостей открыт.
На ветках — птичье новоселье,
Над полем радуга горит.

А рядом
Дорогие люди,
Как я, в исканиях, в пути.
Вбираю ветер полной грудью,
И дальше хочется идти.

* * *

Годов немало пролетело.
Я снова у подножья круч.
Эльбрус,
Ты все такой же белый,
Притом по-прежнему могуч.

А я покрылся белизной,
Как ты...
Но где былая сила?
И все же память сохранила
Свиданье с давнею весной.

Свиданью трудно повториться,
Но сквозь сугробы многих лет
Душа к весне спешит пробиться,
Как тот подснежник-
Первоцвет.

ЕЩЕ РАЗ О ХЛЕБЕ

Бывало, когда уходил я в ночное,
Мне мама горбушку давала с собою.

Как сладок был хлеб, драгоценный, домашний.
До крошки его я съедал и на пашне.

Ломоть я прихватывал в летнюю пору,
Чтоб серп и коса поработали споро.

К нам нищий стучался, прося подаянья.
Я хлебца давал ему зябкою ранью.

В мешке новобранца буханка ржаная
Лежала, о матери напоминая.

Наш хлеб... Он с мякиной бывал и половой.
Был скудною пайкой по норме суровой.

Я помню, и крохам бывали вы рады,
Страдальцы военные, дети блокады.

...Мне больно, когда я, случается, вижу,
Что хлеб недоеденный брошен бесстыже.

Эй ты, попирающий корку ногою,
Ты топчешь достоинство наше людское.

Ты мать оскорбил, ты обиду нанес
Земле, на которой родился и рос.

* * *

Беду утаивать опасно,
Боль в одиночестве сильней.
Но вряд ли стоит громогласно
При всех рассказывать о ней.

Когда душа твоя повита
Горчайшей дымкою тревог,
Ты мне шепни, как шепчет жито,
Иль позвони, как ручеек.

Я все пойму, я теплым ветром
Дохну, чтоб отвести грозу,
Утешу бережно и щедро
И осушу твою слезу.

Перевел с белорусского
Яков Хелемский.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ЛЕТО В КИЕВЕ

Украинские поклонники искусства говорят, что киевскую весну продолжило ленинградское лето!.. После 23-летнего перерыва на берега Днепра в полном составе приехал Ленинградский государственный ордена Трудового Красного Знамени академический театр драмы имени А. С. Пушкина и привез 14 спектаклей; в минувшие годы киевляне смотрели лишь отдельные спектакли этого замечательного коллектива.

Самой беспристрастной рецензией на них служат аншлаги у касс, появившиеся еще до начала гастролей. Спектакли ленинградцев одновременно идут на двух, а в некоторые дни и на трех сценических площадках. Играются они в лучших театральных помещениях города, всегда при переполненных залах.

Один из руководителей театра, народный артист СССР Игорь Олегович Горбачев, сказал:

— Настоящий художник — всегда воспитатель, идеолог... Пушкин, чье имя носит наш театр, считал заслугой, что чувства добрые он лирой пробуждал. Задачей театра была и остается борьба за человека чистого, доброго, возвышенного; борьба за передовую, коммунистическую мораль... В репертуаре нашего театра наряду с классикой и пьесами прогрессивных зарубежных авторов широко представлена советская современность. Это традиция нашего театра. Мы ставили вчера «Семью Журбиных» В. Кочетова, а сегодня ставим «Иней на стогах» Л. Моисеева, ставим ряд других пьес современных советских драматургов.

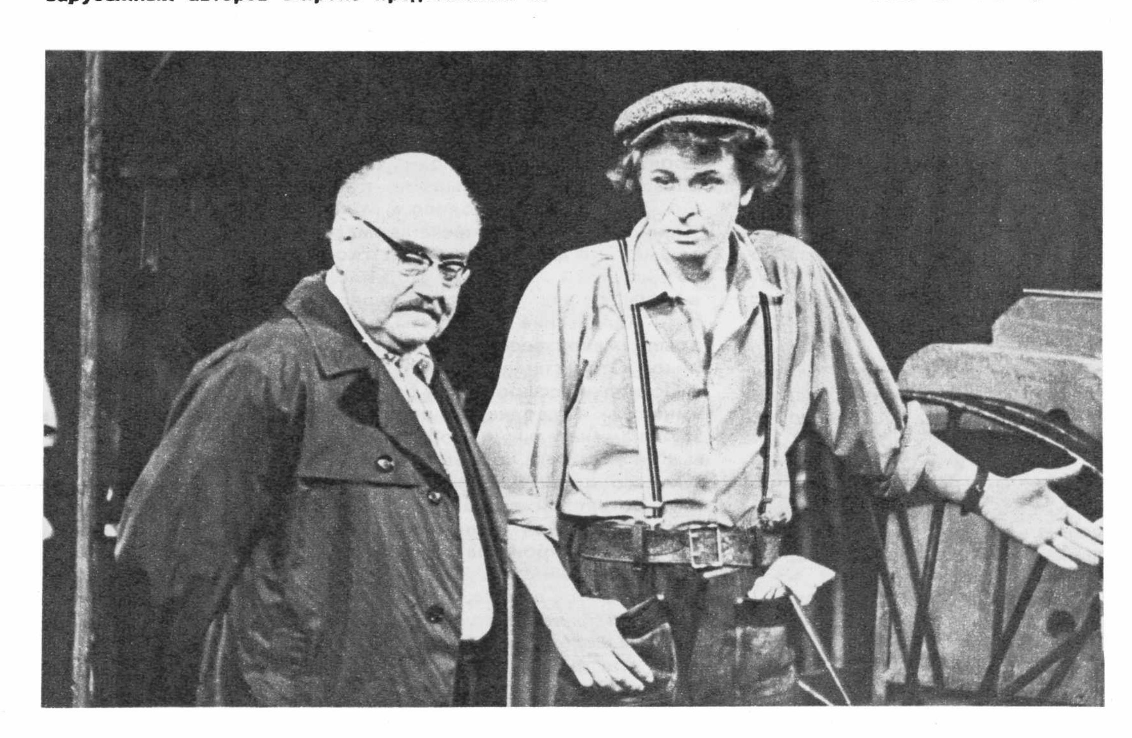
— Даже находясь на гастролях,— продолжал И. Горбачев, — мы ведем напряженную работу над новыми постановками, много репетируем. Подготовку спектакля по пьесе В. Тендрякова «Совет да любовь» завершили именно в Киеве. Здесь же в помещении Украинского театра имени И. Франко состоялась премьера. В нашей гастрольной афише и в репетиционном расписании есть работы, программные для нашего театра, характеризующие его идейно-художественную направленность, отношение к моральным проблемам времени...

Гастроли ленинградцев проходят в Киеве с большим и заслуженным успехом.

С. КАЛИНИЧЕВ

На снимке: сцена из спектакля «Совет да любовь». В роли Ярцева (слева) народный артист СССР Ю. Толубеев. В роли Михаила — заслуженный артист РСФСР Ю. Родионов.

Фото Е. Шмарова.

ГОСТЯМ – ВСЕ ЛУЧШЕЕ

По древнему русскому обычаю гостям полагается все лучшее, и для первых гастролей в столице гостеприимно распахнулись двери нового здания МХАТа. Здесь и проходили гастроли Туркменского государственного ордена Трудового Красного Знамени академического театра драмы имени Молланепеса.

Мы попросили министра культуры Туркменской ССР Худайберды Дурдыева поделиться впечатлениями о московской поездке театра.

— В знаменательное для нас время мы приехали к москвичам: в этом году Туркменская ССР отмечает 50-летие республики и Коммунистической партии Туркменистана, что придало особую ответственность работе коллектива. К гастролям тщательно готовились: хотелось шире и разнообразнее показать лицо театра.

Театральное искусство Туркмении движется вперед семимильными шагами. Уже к 1941 году артистам были доступны «Фронт» Корнейчука, «Любовь к Родине» и «Курбан Дурды» Берды Кербабаева, «Кеймир Кер» — пьеса молодых тогда туркменских драматургов Г. Буринова и Б. Аманова о борьбе народа за свободу и независимость. Этот спектакль, поставленный под руководством народного артиста СССР А. Кульмамедова, и сейчас был показан в Москве; мы с большой радостью восприняли искренний интерес зрителей к нашей истории.

Москвичи тепло отнеслись и к новому спектаклю театра — «Ромео и Джульетта» в постановке заслуженного артиста ТССР А. Курбандурдыева.

В репертуаре Театра имени Молланепеса комедия Г. Мухтарова «Чертово племя» — о сегодняшних днях Туркмении, о ее людях; спектакль «Месть» И. Юмагулова, «Любовь» А. Кекилова и Т. Таганова.

Наряду с пьесами туркменских драматургов широко представлены советская драматургия, русская классика, пьесы братских писателей Грузии, Армении, Башкирии, Узбекистана... Островский и Гоголь, Шекспир и Хемингуэй — таков ныне диапазон творчества старейшего театра республики.

Коллектив постоянно пополняется молодыми артистами — это талантливые воспитанники студии, созданной при театре.

На снимке: артисты Л. Караева и А. Алаков в спектакле «Ромео и Джульетта».
Фото Д. Ухтомского.

Командировка по письму читателей

ГЕРОИЧ
БАТА

ГЕРОИЧЕСКИЙ БАТАЛЬОН КОММУНИСТА ВРУЦКОГО

УЧИТЕСЬ У ПЕХОТИНЦЕВ И АРТИЛЛЕРИСТОВ ЭТОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ, КАК НУЖНО ИСТРЕБЛЯТЬ ФАШИСТСКУЮ СВОЛОЧЬ

350 ДОБЛЕСТНЫХ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ РАЗГРОМИЛИ ТРИ ФАШИСТСКИХ ПОЛКА

Захвачено 56 орудий, 80 семитонных грузовиков со снаряжением и боеприпасами, 600 повозок, 1000 лошадей и много других военных трофеев

МУЖЕСТВО

Олег СКУРАТОВ

Письмо молдавских школьников много раз перечитывали в редакции: столь удивительным казался рассказанный в нем боевой эпизод. Юные следопыты одной из школ Ниспоренского района писали, что в первые дни войны на подступах к селу Долна (ныне село Пушкино) батальон советских бойцов разгромил наступающую дивизию гитлеровцев.

«Мы узнали, — сообщали они в редакцию, — *что Герой Советского Союза лейтенант Никифор Кудрявцев, похороненный возле нашего села, был из этого героического батальона, а руководил боем майор В. А. Вруцкий. Сейчас мы создаем в школах нашего района уголки боевой славы и хотим узнать подробности этого сражения. Просим помочь нам разыскать участников легендарного боя».*

Получив задание ответить на письмо школьников, я обратился к материалам военной библиотеки. В «Истории Великой Отечественной войны» не упоминалось о таком бое. Не встретил я подобного эпизода и в других источниках. Пусть простят меня юные следопыты, но я не был уверен, что найду документальное подтверждение их волнующему письму. На всякий случай я стал просматривать сводки Советского Информбюро.

И вот утреннее сообщение от 15 июля 1941 года: *«Один пехотный и два артиллерийских германо-румынских полка вторглись на советскую территорию. Внезапно на голову колонны обрушились удары советской артиллерии. Одновременно вступили в бой бронемашины. С флангов косили противника пулеметным и ружейным огнем пехотинцы. В колонне началась паника. Грузовики, орудия, лошади, солдаты сгрудились на дороге. Подоспевшие советские артиллеристы повернули против немцев их собственные орудия и открыли ураганный огонь по бегущим деморализованным толпам немецких солдат. Поздно ночью подсчитали результаты боя. Разгромлены пехотный и артиллерийский немецкие полки и три батареи. Захвачено 56 орудий, 80 семитонных грузовиков со снаряжением и боеприпасами, 600 повозок, 1 000 лошадей... На протяжении нескольких километров поле боя было покрыто вражескими трупами».*

В сводке Информбюро не называлась фамилия командира советской части, не уточнялось, где происходил этот бой, но, судя по словам «германо-румынские полки», действие происходило в Молдавии. Именно там войска вермахта вместе с дивизиями фашистского диктатора Антонеску вторглись в нашу страну. Значит, не ошиблись молдавские следопыты, а открыли малоизвестный эпизод Великой Отечественной войны?

Поскольку подробности боя упоминались в сводке, то наверняка эту знаменательную победу первых дней войны отметила газета Южного фронта. Вскоре я получил фотокопии архивного отдела Государственной библиотеки имени Ленина. Фронтовая газета «Во славу Родины» от 16 июля 1941 года. Третья полоса. С волнением читаю заголовок: «350 доблестных советских воинов разгромили три фашистских полка!»

Далее перечислялись трофеи, приводились фронтовые корреспонденции об этом бое. Число трофеев точно совпадало с цифрами, указанными в сводке Информбюро. Окончательную ясность внес номер фронтовой газеты от 20 июля 1941 года. Под заголовком «Героический батальон коммуниста Вруцкого» были помещены очерки о сражении, стихи о бойцах батальона, рассказ о героическом подвиге лейтенанта Никифора Кудрявцева. Фронтовые корреспонденты сообщали, что воины батальона гнали врага одиннадцать километров до рубежа государственной границы.

Выполняя задание редакции, я выехал в Молдавию. В Ниспоренском райкоме комсомола мне назвали нескольких очевидцев давнего боя. С одним из них, Николаем Михайловичем Соляниковым, мы прошли к проселочной дороге, где тридцать три года назад принял неравный бой батальон Вруцкого.

Вплотную к проселку подступали заросшие лесом холмы, с которых в далекий день сорок первого года ринулись в штыковую атаку наши бойцы...

— Они появились словно из-под земли,— сказал Николай Михайлович.— Фашисты заметили их слишком поздно, когда в упор ударили орудия. Я был подростком, но хорошо помню, как выглядела эта дорога вечером 8 июля. Она была вся покрыта телами врагов. Но много и наших бойцов погибло в бою.

Мы подошли к обелиску.

Под пятиконечной звездой была начертана надпись: «Герой Советского Союза лейтенант Никифор Кудрявцев».

— Недавно приезжал его однополчанин из Киева, — продолжал Николай Михайлович,— комсорг батальона Гаращенко Григорий Антонович. Говорил, что с войны здесь не был.

Так путеводная нить поиска привела меня в Киев, на улицу Ванды Василевской.

Дверь открыл широкоплечий, средних лет человек, и я почему-то сразу уверовал, что именно он Гаращенко.

— Григорий Антонович?

Он кивнул, приветливо улыбнувшись.

И тогда я спросил, знает ли он комбата Вруцкого. Гаращенко внимательно посмотрел на меня.

— Это мой командир, — ответил он так, словно и сейчас нес службу.

Несколько вечеров рассказывал мне Григорий Антонович о героическом 2-м батальоне 90-го полка 95-й Молдавской стрелковой дивизии.

С первых дней войны его бойцы обороняли границу на реке Прут. В ночь на 8 июля батальон находился на марше, выполняя приказ командования дивизии. Утром в небольшом лесу у села Долна был сделан привал. Но отдохнуть не пришлось...

На поляну, где расположился штаб батальона, на полном скаку ворвался всадник — командир батальонной разведки лейтенант Мельниченко. Он доложил комбату Вруцкому, что со стороны Ниспорен к Долне приближается отряд гитлеровцев. А в самих Ниспоренах остановилась крупная колонна вражеских войск — несколько полков.

Вскоре разведчики уточнили: в головном отряде врага 6 орудий и броневик с радиостанцией. Отряд расположился на отдых всего в двух километрах отсюда.

По приказу Вруцкого 4-я рота лейтенанта Климова отрезала врагу все пути отхода на Ниспорены. Две другие роты скрытно окружили фашистов. Как снег на голову на них обрушилось мощное русское «Ура!».

Особое задание выполняли связисты лейтенанта Гаращенко. Они должны были захватить броневик с радиостанцией. Там уже кипела рукопашная схватка. Внезапная атака почти полностью деморализовала гитлеровцев. Фашистский офицер, бросив оружие, поднял руки.

Допрос подполковника Крамера вел комбат Вруцкий. Он выяснил, что 35-я пехотная дивизия гитлеровцев форсировала Прут и подошла к Ниспоренам.

Комбат знал, что все части нашей дивизии втянуты в ожесточенные бои и находятся на удалении в 10—15 километров. Он приказал пленному подполковнику Крамеру радировать в штаб колонны: «Начал движение на Варничаны, не встречая сопротивления. Крамер». Радист Гаращенко контролировал правильность передачи.

У комбата осталось не более двух часов на выполнение задуманного маневра. Он повел батальон навстречу вражеской колонне. В указанных им местах подразделения и батареи покидали проселок и укрывались в лесистых холмах. Теперь более трех километров пути оказались на прицеле винтовок и орудий батальона.

Организовав засаду, комбат приказал командирам батарей Григорию Собко и Максиму Мирошнику уничтожить в первую очередь важнейшие цели — цистерны с горючим, грузовики с боеприпасами, командные машины колонны.

Первыми заметили приближение врага бойцы пулеметного взвода лейтенанта Пряникова, находившиеся на левом фланге засады. Но, как было условлено, пулеметы пока молчали. Вскоре гитлеровцы, шествуя походным порядком, миновали 5-ю роту лейтенанта Коваленко, батареи Собко и Мирошника. Головной броневик поравнялся с командным пунктом батальона...

— Я помню,— рассказывал Гаращенко, — эти напряженные, томительные минуты. Рота за ротой, чередуясь с орудиями на конной тяге, шел пехотный полк. Сзади, метрах в пятидесяти, двигалась бесконечная колонна грузовых автомашин.

Правофланговым в засаде находился взвод лейтенанта Никифора Кудрявцева, усиленный двумя рас-

ЕСКИЙ
ЛЬОН

Полковник Вруцкий В. А. В первые дни войны был командиром 2-го батальона. Снимок сделан в 1943 году во время боев под Новороссийском.

Герой Советского Союза лейтенант Кудрявцев Н. Л. Снимок прислан школьниками из родного села героя.

Лейтенант Пухный И. С. Командир взвода связи батальона. Героически погиб в бою у села Долна.

Старший лейтенант Собко Г. И. Командир батареи. Был ранен в бою под Одессой. Награжден орденом Красного Знамени за отражение танковых атак гитлеровцев у села Карпово. Его дальнейшая судьба редакции неизвестна.

Политрук батареи Говейный Р. Е. Награжден орденом Красного Знамени за героизм, проявленный в боях с белофиннами. Был депутатом Верховного Совета Молдавской ССР 1-го созыва. Погиб в бою у села Долна.

Бесстрашный командир пулеметного взвода Пряников К. А. Сражался в рядах батальона в Молдавии, под Одессой и Севастополем. Его дальнейшая судьба редакции неизвестна.

Комсорг батальона Гаращенко Г. А. Проявил исключительное мужество в бою у села Долна. В настоящее время инженер Киевского института электросварки имени Е. О. Патона.

четами счетверенных пулеметов. Выстрелы этих зенитных установок должны были служить условным сигналом к общему залпу.

...Гулко прозвучали пулеметные очереди. По всей линии нашей засады загремели орудия, раздались взрывы гранат, ружейные выстрелы. На шоссе возникла страшная паника. Лошади рвали постромки, переворачивая орудийные упряжки, взорванные цистерны с бензином поднимали вверх столбы пламени...

Точными были залпы орудий старшего лейтенанта Собко. Уничтожив несколько автомашин с командным составом, батарейцы теперь громили артиллерийский полк.

Спасаясь от внезапного огненного шквала, враг ринулся с дороги в сторону болотистой низины...

Многие гитлеровцы залегли у обочины, и оттуда застучали автоматные очереди. С грузовиков соскакивали солдаты и, отстреливаясь, пытались укрыться в придорожных кустах. Теперь исход боя решали мгновения...

— Вперед! За Родину! — раздалась команда Вруцкого, и бойцы батальона бросились в штыковую атаку.

Командир взвода связи младший лейтенант Пухный вместе с лейтенантом Гаращенко и сержантом Павлюченко уничтожили в рукопашной схватке десятки вражеских артиллеристов, отбили у врага более двадцати орудий.

Старший лейтенант Кудрявцев во главе взвода ворвался в самую гущу вражеских солдат. Огнем и штыком он прокладывал дорогу бойцам, не заметив, что сам оказался в кольце. Он погиб, как герой, взорвав себя гранатой вместе с окружившими его фашистами.

За мужество и героизм, проявленные в этом бою, 120 бойцов и командиров были представлены к боевым наградам.

Удалось проследить и дальнейший боевой путь легендарного батальона. После боев в Молдавии он участвовал в героической обороне Одессы; у села Карпово батальон вновь покрыл себя неувядаемой славой, отражая беспрерывные танковые атаки.

В этом сражении получил тяжелое ранение комбат Вруцкий, погибли или были ранены все офицеры батальона. В строю оставались только двадцать бойцов, комсорг батальона Григорий Гаращенко и командир пулеметчиков лейтенант Пряников. Свой последний бой батальон вел в осажденном Севастополе.

А как же сложилась дальнейшая судьба комбата Вруцкого? После тяжелых ранений он вернулся в строй. В книге Маршала Советского Союза А. А. Гречко «Битва за Кавказ» есть страницы, рассказывающие о боях в районе цементных заводов Новороссийска. Здесь осенью сорок второго на пути гитлеровских войск, рвавшихся к Черноморскому побережью, встала 318-я стрелковая дивизия полковника Вруцкого. И она не отступила ни на шаг, не пропустила гитлеровцев на Туапсинское шоссе.

В дни освобождения Новороссийска 318-я дивизия снова находилась на направлении главного удара. С двумя полками Вруцкий высаживается в тылу вражеских линий на огненный берег Цемесской бухты... За эту операцию комдив был награжден орденом Суворова I степени.

После войны Валентин Аполлинарьевич жил в городе Орджоникидзе. Мне довелось увидеть этого замечательного человека, прочитать ему письмо школьников из села Пушкино. Как взволнован он был этой вестью, как хотел побывать в Молдавии!

Четыре тяжелых ранения вконец подорвали его здоровье, но Вруцкий продолжал работать в секции ветеранов войны, часто выступал перед пионерами города. Весть о его кончине пришла в редакцию, когда этот очерк готовили в номер.

В газете Южного фронта есть строчки, звучащие как наказ, словно обращенные в сегодняшний день:

«Мы прощаемся с погибшими товарищами, но твердо знаем — кончится война, и к их могилам придут люди, чтобы отдать дань признательности за беззаветный подвиг».

Так думали воины в далеком, огненном сорок первом... И их завету оказались верны молдавские школьники, приславшие письмо в редакцию «Огонька». Начав благородный, интереснейший поиск, они помогли открыть новые имена героев, узнать о подвиге первых дней войны.

ОДИН ИЗ БРАТЬЕВ

Марат ЦЕБОЕВ

Фото автора.

Этот документ с грифом «Совершенно секретно» обнаружен в Северо-Осетинском историческом архиве. Читаем:

«Старшине Зарамагского прихода Темболату Магкаеву. Взыскать с горца-осетина бедняка Лека Батразовича Кудзагова контрибуцию в сумме 200 рублей за активное участие его сыновей в 1905—1906 гг. в городе Владикавказе в политических революционных вооружениях, стачках и бунтах. Установлено, что братья Кудзаговы (Николай, осетин, батрак, возраст 17 лет; Соброн, осетин, приказчик, возраст 19 лет; Андукапар, осетин, приказчик, возраст 20 лет) на первомайских митингах в 1905 году бунтовали, возбуждали народ, приказчиков, рабочих, ремесленников против самодержавия. Из следственных показаний установлено, что вышеназванные братья в октябре того же года принимали активное участие в политических бунтах против правительственного строя... Братья Николай и Соброн Кудзаговы из пистолетов обстреливали портрет государя императора, а Андукапар нес революционный красный флаг.

Установлено, что Николай Кудзагов с 1900 по 1905 год работал свинопасом и был членом подпольной типографии, находившейся по Церковно-Соборной улице, 33/I, РСДРП, Н. Кудзагов распространял в 1905—06 гг. прокламации и воззвания РСДРП среди солдат апшеронцев и всадников осетинского конного дивизиона. В 1906 году, августе 4-го дня, братья Соброн и Николай участвовали в дерзком абреком налете на типографию газеты «Терек», где они напечатали революционные листовки 5 тысяч штук. Постановили: братьев Николая и Соброна, как несовершеннолетних, освободить из-под стражи и взять их на особый учет под надзор, а с Лека Кудзагова взыскать за его сыновей в административном порядке контрибуцию в двести рублей. Дело на Андукапара Кудзагова выделено в особое производство».

Георгиевский кавалер Николай Лекович Кудзагов.

Документ от 13 января 1907 года подписал генерал-губернатор Терской области Колюбакин.

Жив ли кто-либо из братьев, чья отвага, храбрость не давали покоя жандармам в революционные дни 1905 года? С этим вопросом я пришел в редакцию североосетинской газеты «Молодой коммунист».

— Кудзагов? — переспросил редактор Юрий Икоев.— Жив самый младший, Николай. Наша гордость. Шесть «георгиев» имеет. Недавно мы давали о нем очерк с продолжением в четырех номерах...

...И вот я вижу по-строевому подтянутого человека. Упругие снежно-белые усы. Веселые карие глаза, добрая улыбка. На кителе четыре георгиевских креста.

— К сожалению,— говорит Николай Лекович Кудзагов,— еще два моих «георгия» не сохранились до наших дней, только документы на них остались...

После того, как я показал выписку из документа царской жандармерии, он вздохнул, вспоминая прошлое, улыбнулся: «Давно это было, целая вечность, кажется, прошла. Но все равно. И с типографией было так, как шпики доложили...»

И я узнал от ветерана первой русской революции некоторые подробности того, о чем с тревогой сообщала царская охранна.

Типография была кочующей. Семнадцать исполнилось Николаю, когда он помогал большевикам перевозить ее с места на место. Печатал и распространял прокламации. В 1905 году типографию, находившуюся на Церковно-Соборной улице, разгромили жандармы. Но подпольщики не отказались от борьбы. Достали ручной типографский станок, который поместили в подвале мастерской Хубецова. Затем, спасаясь от царских ищеек, перевезли станок ночью на Лорис-Меликовскую улицу. Последний раз Николай получал листовки в гостинице братьев Лапинаговых. Сочувствуя подпольщикам, братья выделили им флигелек во дворе гостиницы. Потом станок сломался. Но листовки были нужны. Из центра пришел текст революционного воззвания к крестьянам. А печатать негде. Тогда подпольщики, в числе которых был и Николай Кудзагов, совершили налет на типографию буржуазной газеты «Терек». Типография, редакция и квартира самого издателя Казарова находились в особняке на улице Московской. На этой же улице располагалось жандармское управление Терской области. Такое соседство не помешало подпольщикам отпечатать пять тысяч воззваний. После этой отчаянной операции Николая с братом Соброном арестовали.

— Канова судьба ваших братьев?

— Самый младший, Сослан, о нем в документе не упоминается, погиб в гражданскую войну, защищая от белогвардейцев город Грозный. Соброн участвовал в гражданской войне на Северном Кавказе. Его тоже нет в живых. А самый старший, Андукапар, который нес в 1905 году красный флаг, живет сейчас в селении Кирово, Северной Осетии. Он тоже воевал против белогвардейцев под Владикавказом, потом все время работал в колхозе.

Николай Лекович после революции стал чекистом, участвовал в операциях против белобандитов. Был одним из организаторов колхозов в Северной Осетии. Затем работал начальником геологоразведочной партии в Садонских рудниках.

Ветеран часто выступает перед школьниками, в военных и суворовских училищах. Ребята нередко спрашивают его о георгиевских крестах. Ведь очень мало осталось у нас в стране кавалеров этой старинной солдатской награды. Полным георгиевским кавалером считался тот, кто заслужил четыре креста. Об одном эпизоде империалистической войны Николай Лекович рассказал и мне.

Однажды молодого разведчика Кудзагова вызвал к себе командующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов.

— Нужно во что бы то ни стало взять «языка»....

Николай взял с собой 27 земляков из Осетинского дивизиона. Переправились ночью через реку. В темноте поползли к немецким укреплениям. Кругом проволока с сигнальными ракетами. Дотронешься до проволоки — ракета взвивается вверх. Ножницами перерезали шнуры от ракет. Вдоль рядов проволочного заграждения расхаживал часовой. Николай кинулся на часового, перевязал ему лицо башлыком, а ремнем скрутил руки. Но все же немцы заметили смельчаков. Из-под моста выбежали шесть солдат. Разведчики прокладывали себе путь штыками. Наконец добрались до камышей. Опять вступили в бой с передовым отрядом неприятеля. Взяли второго «языка»... «Молодцы осетины!» — похвалил командующий фронтом.

Генерал Брусилов тогда же вручил Николаю первый георгиевский крест.

Шестого «георгия» Н. Л. Кудзагов получил за то, что уничтожил в бою командира немецкого кавалерийского полка и еще пятерых офицеров. Но и его резанула вражеская сабля в том бою...

В годы гражданской войны судьба свела Николая Лековича с С. М. Кировым. Кудзагов участвовал в переходе 11-й Красной Армии через Мамисонский перевал, показал при этом храбрость и отвагу. На его кителе блестят награды и за гражданскую войну.

Так с помощью архивного документа я узнал о замечательном человеке. Всю жизнь он боролся за счастье людей, за их лучшую долю...

Орджоникидзе.

ТРУДОМ ЗАКАЛЕННОЕ СЛОВО

Эта книга — о людях «основного» труда, о людях, для которых наша современная индустриальная реальность такая же своя стихия, как поле для крестьянина, как море для моряка.

В сжатом вступлении к своей книге поэм «Огонь» Валентин Сорокин пишет: «Далеко на Урале сейчас гудит мартеновский цех, и подобно ракетам вонзаются в небо горячие трубы завода. Вчерашние парнишки — крановщики, грузчики, электрики, подручные сталеваров — ...выросли в мастеровых, инженеров, настоящих умельцев грозного железного мира. Их труд опасный и тяжелый, но громкий и основной, дающий движение пропеллеру и плугу...».

Поэмы «Судьба», «Оранжевый журавленок» рассказывают о детских впечатлениях, вольных, как природа, о вечной и поэтичной земле нашей. Читатель уже здесь начинает чувствовать ту силу, которая дала право известному критику и большому знатоку поэзии Александру Макарову назвать Валентина Сорокина поэтом привораживающей искренности чувства.

Эту верную оценку поэт подтверждает всей своей дальнейшей работой.

Индустриальная, рабочая тема — здесь В. Сорокин в своей стихии. В поэме «Огонь», посвященной коллективу 1-го мартеновского цеха Челябинского металлургического завода (с таким точным адресом!), много страсти, темперамента, бушующей образности.

Поэма написана на едином дыхании, как страстный монолог современника. Узнаются учителя поэта — Павел Васильев, Борис Корнилов, Борис Ручьев, Василий Федоров. Но это не подражание, здесь как бы продолжаются для нас эти поэты яркого дарования.

Поэмы «Орбита», «Золотая», «Обелиски», «Дорога» широко и вольно поют о современности, о богатой и красивой душе лирического героя книги, о его сложной, трудной, глубокой и счастливой жизни.

Не мог, конечно, Валентин Сорокин не обратиться и к истории родной земли, к ее прошлому: размашисто он рисует в поэме «Волгари» вольнолюбивого бунтаря Степана Разина.

У музы Валентина Сорокина — широкая кисть российского художника, широкая, ибо «маленькой кистью» не охватишь наши масштабы...

Книгой поэм «Огонь» Валентин Сорокин, поэт кардинальной темы — темы рабочего класса, утверждает себя одним из ярких певцов современности, воспевающих наше бытие.

Михаил ЛЬВОВ

Валентин Сорокин. Огонь. М., «Современник», 1973 г., 240 стр.

Лесов зеленое раздолье...

Фото А. ГОСТЕВА

Читайте на стр. 28—29 очерк Н. П. АНУЧИНА «Вечный лес».

МОСКВА

КАК СТАТЬ СТЮАРДЕССОЙ

«За отличный авиасервис» — таким был девиз Второго всесоюзного конкурса профессионального мастерства молодых работников Аэрофлота. Первое место заняла Людмила Гвоздева — стюардесса Центрального управления международных воздушных сообщений. А Екатерина Кузнецова, которая была победительницей на первом таком же конкурсе, проводившемся в Сухуми, на этот раз входила в состав жюри. Она сказала мне:

— Гвоздева победила заслуженно. Уверенность и спокойствие, не покидавшие ее и здесь, на конкурсе, сыграли свою роль. К тому же Людмила была признана самой обаятельной участницей конкурса. Да, разыгрывался и такой приз...

Владимир Александрович Киселев, заместитель начальника Управления перевозок и коммерческой эксплуатации Министерства гражданской авиации СССР, председательствовал в жюри. Я попросил его прокомментировать итоги состязания.

— В конкурсе,— сказал он,— участвовали сто двадцать человек: бортпроводницы, кассиры, дежурные по регистрации, встрече и сопровождению пассажиров на посадку. Двенадцать победителей поднялись на пьедестал почета. Им вручены дипломы, подарки.

...Конкурс окончен. К Владимиру Александровичу подходит миловидная девушка и робко спрашивает: «Как стать стюардессой?»

Л. СЕМЕНОВ

Двенадцать лучших...

Фото И. Агафонова.

ЛЕНИНГРАД

ДВА ДНЕПРОГЭСА В ОДНОМ ЭНЕРГОБЛОКЕ

На подъездных путях головного завода объединения «Электросила» показался необычный транспорт: тепловоз тащил железнодорожную платформу, на которой возвышалась огромная стальная заготовка. Даже тех, кто изготавливал самые крупные в мире генераторы, стальной слиток-великан, созданный металлургами Ижорского завода, удивил невиданными габаритами: длина его — пятнадцать метров, диаметр — полтора метра, а вес — свыше ста тонн.

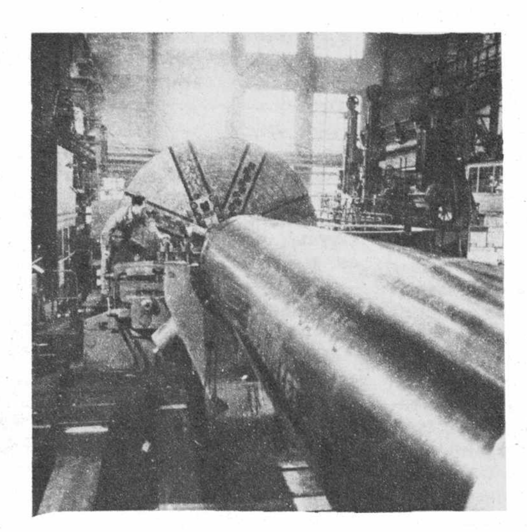
Мощным краном, оснащенным специальными приспособлениями, отливку подняли с платформы и установили на огромный токарный станок. Самую первую, сложную и точную операцию осуществлял один из опытнейших токарей М. Ижорин. Потом эта гигантская деталь перекочевала на фрезерный участок. Так началась работа над валом ротора для турбогенератора, который будет установлен на Костромской ГРЭС. По своей мощности турбогенератор равен почти двум Днепрогэсам. Подобного еще не знала мировая практика.

Укрупнение блоков — тенденция современного турбостроения. И коллектив «Электросилы» уже сейчас размышляет над тем, чтобы в будущем оснащать электростанции еще более мощными энергоблоками.

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

На снимке: токарь М. Ижорин за обработкой вала ротора для сверхмощного турбогенератора.

Фото В. Владимирова.

КИШИНЕВ

ДИАГНОЗ... ДОРОГАМ

На дорогах Молдавии появился необычной конструкции «МАЗ», с необычной профессией. Вместо кузова у него кабина. Дело в том, что этот «МАЗ» «изменил» профессию: он ставит диагноз — каково состояние дорог?

Далеко не всегда внешний вид асфальтового полотна соответствует его истинному состоянию. Деформация подчас зреет и развивается в толще твердого покрытия дороги. Как своевременно распознать дефект и принять необходимые профилактические меры? На помощь эксплуатационникам пришла передвижная лаборатория, созданная на базе автомобиля «МАЗ» сотрудниками проектно-технологического треста «Оргдорстрой» Министерства строительства и эксплуатации автодорог Молдавской ССР. Смонтированные здесь точные приборы выявляют скрытые пороки дорожного покрытия, определяют его плотность, прочность грунта, замеряют осадку, иными словами, выявляют полную характеристику автострады.

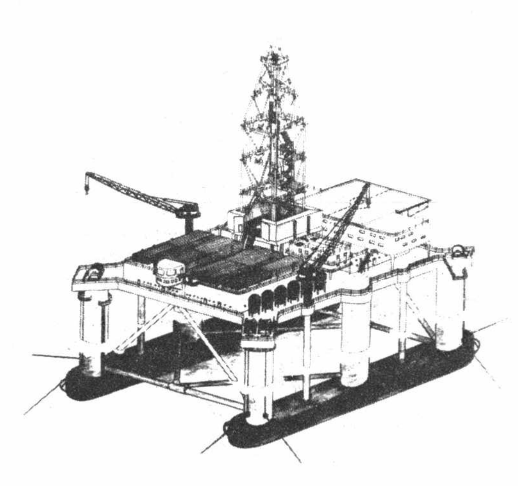
Анализ полученных данных позволит Министерству прогнозировать ремонтные работы и своевременно принимать необходимые меры.

Передвижная лаборатория начала регулярные рейсы по наиболее загруженным автомагистралям Молдавии.

Б. БЕЛЕНЬКИЙ

БАКУ

ПОДСКАЗАЛ ЗАКОН АРХИМЕДА

Четверть века назад началось покорение нефтяной целины Каспия. Все дальше в море уходят разведчики недр. Сегодня для них обычные 60-метровые глубины уже, как говорится, день минувший. Прогнозы геологов о том, что под Каспием залегает гигантское море нефти, подтверждаются. Но как и какими средствами вести наступление на эти сокровища, залегающие на глубинах свыше ста метров? Стационарные основания на этих акваториях пока еще не удается установить. Вот и приходится искать новые решения.

— Мы проектируем первую из серии полупогружных платформ,— говорит заведующий отделом института «Гипроморнефть» Ю. Агагусейнов.— Она предназначена для разведки перспективных месторождений нефти и газа, залегающих в районах, где глубины моря колеблются в пределах от ста до двухсот метров. Модель такого сооружения строится по принципу работы ареометра — прибора для определения плотности жидкостей, основанного на действии закона Архимеда.

На два понтона перпендикулярно поверхности моря устанавливаются шесть стабилизирующих башен. Это, так сказать, каркас платформы. Над ними монтируется верхняя палуба — рабочая площадка, которая поднимается над уровнем моря примерно на тридцать метров. На ней разместится буровое и технологическое оборудование, собственная электростанция с дизель-генераторными установками, центральный пульт ЭВМ, вертолетная площадка, 44-метровая вышка, комнаты отдыха для буровиков.

На место бурения платформу доставят мощные буксировщики. Разведочные работы в море можно будет вести непрерывно.

Г. ПОГОСОВ

25 лет СЭВа

ОГОНЁК

МЕСТО СТЫКОВКИ — ВАЗ

Биография автомобильного гиганта на Волге хорошо известна не только в нашей стране, но и за ее рубежами. Восемь лет назад было принято постановление о строительстве Волжского автозавода. В феврале 1970 года началось изготовление первых деталей, а в апреле сошли с конвейера первые автомобили. В этом году ВАЗ выпустит 635 тысяч машин. Автомобилям ВАЗ-2101 и ВАЗ-2102 присвоен государственный Знак качества.

В канун юбилейного 25-го года жизни СЭВа «Огонек» при участии Волжского автозавода осуществил путешествие на двух машинах «Жигули» по европейским социалистическим странам (см. №№ 14—18, 20, 21 за 1974 год). Маршрут этого путешествия подсказали машины «Жигули», которые, образно говоря, рождаются на «большом конвейере» СЭВа. Недавно корреспондент «Огонька» Н. Цветкова встретилась с заместителем министра автомобильной промышленности СССР, генеральным директором Волжского объединения по производству легковых автомобилей В. Н. ПОЛЯКОВЫМ и попросила его ответить на несколько вопросов.

ВОПРОС. Виктор Николаевич, как известно, все эти годы в творческом сотрудничестве с ВАЗом участвует большое число заводов-поставщиков социалистических стран. Как вы оцениваете это сотрудничество?

ОТВЕТ. Сотрудничество ВАЗа с заводами-поставщиками социалистических стран проходит, на мой взгляд, успешно. Давно миновало то время, когда мы совместно конструктивно дорабатывали и устраняли отдельные недостатки, которые неизбежны в процессе наладки производства. Сейчас качество поставляемых изделий в основном вполне удовлетворительно. Поставки идут регулярно. Опыт подтверждает возможность и целесообразность широкого сотрудничества стран — членов СЭВа в изготовлении автомобиля. Могу также добавить, что такое сотрудничество позволило нам начать производство автомобилей в более ранние сроки: заводы-поставщики в социалистических странах сумели поставить свою продукцию быстро и в точном соответствии с обязательствами.

ВОПРОС. Социалистические страны, объединенные в СЭВ, представляют собой крупнейший экономический комплекс в мире. ВАЗ участвует в реализации Комплексной программы социалистической экономической интеграции. Как видится вам перспектива интеграции в области автомобильной промышленности и конкретно «Жигулей»?

ОТВЕТ. Я думаю, широкое сотрудничество в области автомобильной промышленности и в дальнейшей модернизации «Жигулей», которые сейчас являются самой массовой моделью легкового автомобиля в нашей стране, может и должно широко развиваться. Автомобиль будет модернизироваться и совершенствоваться, устаревшие модели должны заменяться более совершенными. С достижением в этом году проектной мощности на ВАЗе мы начнем работать над непрерывной модернизацией «Жигулей». Улучшенная модель ВАЗ-2101 будет внедрена уже к концу нынешнего года.

Мы получаем большое количество комплектующих изделий из социалистических стран, и естественно, что эти детали также должны постоянно модернизироваться, чтобы отвечать уровню легковых автомобилей, которые создаются на ВАЗе. Это касается сотрудничества, которое уже существует. Если же будет принято решение о расширении завода и создании принципиально новых моделей, то, как мне кажется, и в этом случае мы также будем сотрудничать со странами — членами СЭВа по отдельным узлам и комплектующим изделиям. Следует отметить, что кооперация в автомобильной промышленности не ограничивается «Жигулями». Например, в автобусах и троллейбусах, которые создаются в нашей стране, используются задние мосты из Венгрии, и, насколько мне известно, это сотрудничество протекает также успешно.

ВОПРОС. Бригада «Огонька» во время путешествия на «Жигулях» имела возможность встретиться со многими деловыми партнерами Волжского автозавода в семи европейских социалистических странах. Мы убедились в том, что уже можно говорить об опыте создания новых форм сотрудничества ВАЗа с предприятиями этих стран. Очевидно, этот опыт может быть полезным в деле дальнейшего развития международной специализации и кооперирования производства в автомобильной промышленности и найдет применение, например, при вводе в эксплуатацию КамАЗа. Расскажите, пожалуйста, как осуществляется стыковка отдельных узлов социалистического конвейера, где сегодня рождаются «Жигули»? Какие существуют формы организационной работы?

ОТВЕТ. Формы нашего сотрудничества с заводами братских стран в связи с широкими поставками нам комплектующих изделий, а также нашими поставками почти во все социалистические страны «Жигулей» целиком определяются характером социалистической производственной кооперации. Около сорока предприятий этих стран поставляют нам свыше 70 наименований комплектующих изделий, в объеме пятидесяти процентов потребностей Волжского автозавода. Естественно, что работа конвейера нашего завода ежедневно зависит от качества этих изделий и точных сроков их поставки. Все эти годы мы стремились добиться максимальной оперативности в решении отдельных производственных вопросов с нашими партнерами. Нам очень помогает то, что на заводе находятся постоянные представители: от Болгарии — Марин Стоименов («Автоимпекс») и Никола Милев («Балканкар»), от Венгрии—Йожев Козма («Могюрт»), от Польши — Станислав Шидловски («Польмот»). А недавно в связи с крепнущим деловым сотрудничеством с югославским заводом «Црвена Застава» на ВАЗ приехал инженер Божидар Бабин. Присутствие в Тольятти этих полпредов, которые уже стали членами нашего большого коллектива, позволяет на месте, быстро и конкретно решить многие проблемы, возникающие в ходе нашего сотрудничества.

Кроме того, мы неоднократно приглашали на ВАЗ представителей администрации и общественных организаций заводов-поставщиков и совместно разрабатывали мероприятия по улучшению нашей работы. Наши специалисты также часто бывают в этих странах по приглашению заводов-партнеров. Наши деловые связи давно переросли в дружеские отношения и в совершенно неформальные контакты. В последнее время активно развиваются непосредственные связи между рабочими коллективами и общественными организациями нашего завода с заводами стран-поставщиков. Например, комсомольская и партийная организации сборочно-кузовного производства установили тесные контакты с комсомольскими и партийными организациями венгерского внешнеторгового объединения «Могюрт». 4 апреля на празднование 29-й годовщины освобождения Венгрии от фашизма были приглашены наши вазовцы — начальник сборочного цеха Евтушенко Г. И., слесарь-сборщик главного конвейера Стешина О. Б. и секретарь парткома завода Рымкевич И. Л. Они побывали на заводе «Баконь», встретились с рабочими из местного «цеха ВАЗа». А в мае мы принимали делегацию венгерских комсомольцев от нескольких заводов-поставщиков. Они приезжали познакомиться с нашим производством и совместно с вазовцами наметить пути дальнейшего улучшения качества комплектующих изделий. Здесь, в Тольятти, побывала также представительная делегация из Югославии, в этом году мы ожидаем приезда представителей партийных комитетов шести болгарских предприятий, с которыми мы сотрудничаем. Я мог бы еще привести примеры, свидетельствующие о том, как ответственно и заинтересованно относятся наши деловые партнеры и друзья к успешному осуществлению стыковки узлов социалистического конвейера, на котором рождаются «Жигули».

ВОПРОС. Виктор Николаевич, возможна ли, на ваш взгляд, совместная конструкторская разработка и создание новых моделей легковых машин?

ОТВЕТ. С моей точки зрения, совместная конструкторская разработка и создание новых машин — дело весьма сложное. При создании новой модели необходимо, чтобы был один главный конструктор, который лично решает принципиальные задачи и отвечает за успех модели.

Мне кажется, нужно идти по пути освоения различных новых моделей автомобилей. Если говорить о перспективе сотрудничества в области легкового автомобиля, то, мне думается, наиболее плодотворной была бы кооперация по узлам, с тем чтобы каждая страна специализировалась по отдельным типам узлов. При этом очень широко должно идти сотрудничество конструкторов, технологов, чтобы можно было шире использовать накопленный каждой страной технический опыт.

РУДНЫЕ ГОРЫ

Б. СМИРНОВ,
Фото Э. ЭТТИНГЕРА,

специальные корреспонденты «Огонька»

— Много народа едет сюда, на Кавказ. Одни едут летом, хотят видеть зеленые горы, других тянет зимой на горы снежные. А спроси меня: за что ты, Муллаев, любишь эти горы? И я скажу: за то, что они рудные...

Мы стояли с бригадиром проходчиков, Героем Социалистического Труда Шарафудином Муллаевым у балюстрады транспортной площадки высокогорного рудника «Молибден». Снизу, от распластанного по Баксанской долине городка Тырныауз, к нам поднималась красно-желтая кабина пассажирской канатной дороги. Сзади, за нашими спинами, клонилось к горизонту солнце, заливая розовым светом суровые скальные обрывы, нежную зелень, стены близких рудничных зданий и далекие вершины обступивших долину гор. А за ними скрывались другие вершины, и необыкновенно красив был сейчас, наверное, сияющий белизной двуглавый пик Эльбруса. Но я все пытался представить ту красоту, о которой говорил Муллаев,— особенную, невидимую постороннему взгляду красоту рудных гор. Что может быть хорошего в лабиринте длинных штреков, чем могут привлекать человека глыбы зеленовато-серой, неподатливой на излом руды? И я попросил Муллаева взять меня к себе в забой. Там, на месте, все будет понятнее.

— Пожалуйста, я не возражаю,— сказал бригадир,— только надо получить разрешение у начальника смены и,— он критически оглядел мой костюм,— переодеться вам придется.

Разрешение удалось получить быстро. Потом мы вошли в многоэтажный корпус — быткомбинат, как объяснил Муллаев. Непривычно было открывать двери здания, стоящего среди скал на высоте, достойной альпинистского восхождения. Лестницы, длинные коридоры, гардеробы, душевые, раздевалки... Муллаев шагал привычно быстро, и мне время от времени приходилось энергично хватать ртом воздух — как-никак почти три тысячи метров. В одном из помещений надо было раздеться, в другом — достать из люка в полу, откуда тянуло нагретым сухим воздухом, хитроумную железную вешалку с хлопчатобумажной, байковой, брезентовой и резиновой экипировкой. Облачившись в эту амуницию, я чувствовал себя почти что хоккеистом, готовым к выходу на поле, только вместо клюшки здесь выдавалась аккумуляторная шахтерская лампа. В общем-то все это напоминало подготовку к спуску в шахту где-нибудь в Донбассе или на Алтае, только здесь никуда не надо было спускаться — в десятке метров от быткомбината тоннели уходили внутрь горы.

— Дождемся ребят из бригады. Сейчас на руднике меняются смены, поедем вместе,— предложил Муллаев. Они не спеша выходили из здания — большие, разбухшие в своей многослойной одежде, со светящимися лампами, переброшенными через плечо. Скоро на площадке стояло уже несколько десятков горняков. Муллаев взглядом отыскивал членов своей бригады и негромко, с заметной гордостью рассказывал о них. Вот Григорий Балабон, ветеран, кавалер ордена Ленина, работает с Муллаевым много лет. Николай Ундерских намного моложе, но в мастерстве не уступит и ветеранам.

— Мы стараемся распределить людей так, чтобы самые опытные работали рядом с молодыми. Так быстрее можно обучить горняцкому делу,— объяснял Муллаев.— Сейчас возьми любого, сделай его бригадиром — и не ошибешься. Меня вот, когда я звание Героя получил, стали часто на собрания, заседания приглашать, в командировки посылают, и я беспокоюсь: как там ребята с делом справляются? Потом вижу: все идет у них хорошо, без перебоев. Я даже бояться стал — может, я им теперь уже и не нужен?— со смехом заключил он.

Бригадир, конечно, шутил. Я уже знал его историю, знал, что он неотделим от бригады, как неотделим от гор, от своей работы. Видимо, есть среди прочих и такое призвание — быть горняком. Муллаев родился здесь, в Кабардино-Балкарии, в селе Верхняя Хула, но многие годы провел вдали от Кавказа. Сменил немало профессий — земледельца, бетонщика, плотника,— и нельзя сказать, что в каждую работу, которую приходилось ему выполнять, он не вкладывал частицы своей души. Но не было тогда в его делах того размаха, той творческой высоты, которая отличает обычный труд от трудового подвига. Словно бы на первых этапах жизни он только копил, наращивал силы... Однажды он поехал в отпуск к своему брату, на Джезказганский рудник. Любопытства ради спустился в шахту. Гулкие штреки, огоньки шахтерских ламп, диковинные машины — здесь шла непонятная для него, сложная и чем-то очень привлекательная жизнь. Он не сразу пошел в шахтеры, нет, минуло еще несколько лет, прежде чем смутное стремление к каким-то переменам переросло в твердое, осознанное желание стать горняком. Это произошло уже на Кавказе, в Тырныаузе, куда он окончательно переехал. Сначала работал строителем, но при первой же возможности пошел на рудник «Молибден» Тырныаузского горно-металлургического комбината. В том же году выдвинулся в передовики. А скоро он освоил более сложную работу — крепильщика. И только тогда, когда все на руднике было уже знакомо ему до мелочей, он стал проситься в проходчики. В рабочих проходил всего год — талант этого человека к горняцкому делу не заметить было невозможно. В 1963 году его назначили бригадиром, и слава муллаевской комплексной бригады загремела по комбинату, по республике, по всей стране. Они штурмовали высоту в самом прямом смысле этого слова, потому что проходка в Тырныаузских рудниках идет снизу вверх. Они покорили и символическую вершину своей профессии, установив в прошлом году мировой рекорд — за 31 рабочий день прошли 766 погонных метров горных пород.

— Это были лучшие дни в моей жизни,— говорил Муллаев.— Работа была как песня...

— А разве нельзя так работать всегда?— интересовался я, и Муллаев отвечал:

— Нет, нельзя. Рекорд — это наивысший подъем, наибольшее напряжение сил, а держать людей все время в таком состоянии невозможно. Представляете, каждый в те дни давал по десять норм! Кстати, мы той проходкой открыли рудный запас примерно на пять лет работы. Наш рекорд не спорт, а экономика. Весь комбинат тогда всколыхнулся. А сколько последователей появилось!.. Уже через два месяца нас в социалистическом соревновании обогнали, теперь что ни месяц — кто-то новый вперед вырывается.

На площадку, погромыхивая на стыках рельсов, выехал состав маленьких пассажирских вагонеток. Мы втиснулись в них, разместились на деревянных скамьях, и состав нырнул в черное жерло тоннеля. Редкими пунктирами мелькали в полной тьме лампочки. Железную коробку вагончика сильно раскачивало, и странно было думать, что с каждой секундой ты все дальше уносишься в глубь горы.

— Сколько нам ехать?— сквозь шум прокричал я Муллаеву.

— Четыре километра.

...Состав ушел, оставив нас на одном из подземных перекрестков. Полумрак, тишина, где-то шумит сжатый воздух и гулко капает в лужицу вода. «Ну, пошли!»— сказал Муллаев, и мы зашагали по шпалам, сворачивая в боковые тоннели, протискиваясь между стенами и наполненными рудой вагонетками. Потом по деревянным времянкам поднимались в узкие вертикальные ходы, похожие на колодцы, и оказались наконец в небольшой округлой камере. Свет от шахтерских лампочек натыкался на неровные бугристые стены, дробился на десятки маленьких лучиков. Дальний конец забоя упирался в круглый вертикальный тоннель — выработку.

— Теперь поедем вверх,— сказал Муллаев.

Я вначале не понял, на чем именно он собирался ехать. А бригадир подошел к какой-то висящей над полом длинной решетчатой коробке и стал деловито складывать в нее мотки проволоки, инструменты. Коробка держалась у потолка на облепленном трубами толстом рельсе,— он тянулся по потолку, плавно изгибался и уходил вверх, в темноту.

— Это устройство называется проходческим комплексом,— объяснил бригадир.— Видите, к кабине по шлангам подается сжатый воздух, он приводит в действие подъемный механизм, и весь проходческий комплекс по монорельсу поднимается по выработке...

По стенам запрыгали блики света, и в забой вошли горняки из бригады Муллаева. Он потянул за какой-то рычаг — раздались громкие хлопки воздуха, кабина мелкими, частыми толчками поползла по потолку. На изгибе монорельса она остановилась, повисла над черной бездонной дырой. Муллаев сделал рукой приглашающий жест, мы забрались внутрь этого странного устройства... Теперь вместе с кабиной тряслись и мы, прижавшись к ее стенкам. Можно было подумать, что мы едем в лифте, правда, очень медленном и, мягко говоря, не слишком комфортабельном. Подъем длился долго, казалось, этому узкому колодцу, этой темноте не будет конца... Сбоку забрезжил желтоватый электрический свет, кабина вползла в еще один небольшой забой и остановилась.

— Вот мы и дома!— весело сказал Муллаев. В забое была та же полутьма, так же, нарушая тишину, шипел где-то в трубах воздух. Я попробовал представить себе, где мы находимся. Четыре километра вглубь, потом семьдесят пять метров вверх. Наверное, самый центр горы!

А проходчики собирались еще выше... Они готовили к подъему

Строится новый рудник.

Много хлопот у начальника рудника Вячеслава Ивановича Олейникова.

еще одну кабину, висящую в забое. Проверили в трубах давление воздуха, загрузили взрывчатку, головки пневмобуров, секции монорельса. Бригадир объяснил: проверка отнимает много времени, но упустишь какую-то мелочь — потеряешь целый день.

Стараясь не мешать, я наблюдал за проходчиками, особенно за Муллаевым. Сосредоточенное, напряженное лицо, четкие движения, короткие фразы. Нет, он не командовал, каждый здесь и без команд прекрасно знал свое дело и с полуслова понимал товарища. Но был в бригадире какой-то заряд энергии, который словно накалял, наэлектризовывал и его товарищей. Это, наверное, тоже талант — суметь в нужный момент собрать свои силы, сконцентрировать их на необходимом деле...

— Вот и все,— сказал, выпрямляясь, Муллаев,— можно ехать. Вам выше подниматься уже нельзя, мы там будем висеть целую смену. А работает комплекс вот так...

Герой Социалистического Труда бригадир проходчиков Шарафудин Якубович Муллаев.

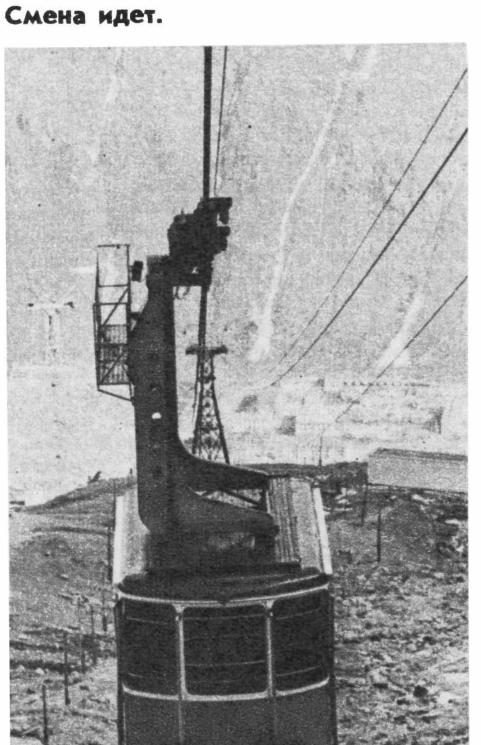
Теперь мне уже легко было понять объяснение Муллаева. Проходческий комплекс поднимается по монорельсу до «потолка» выработки, и пневмобуры пробивают в «потолке» отверстия-шпуры. В них закладывается взрывчатка, люди спускаются и прячутся в забое. Взрыв — и выработка на какой-то метр удлинена ввысь. Горняки опять поднимаются, наращивают монорельс, бурят новые шпуры. А там, вверху,— новые рудные горизонты, новые кладовые гор...

Вместе с одним из проходчиков мы уже ехали вниз, когда в глубине горы ухнул взрыв — это бригада Муллаева пробивала к кладовым дорогу.

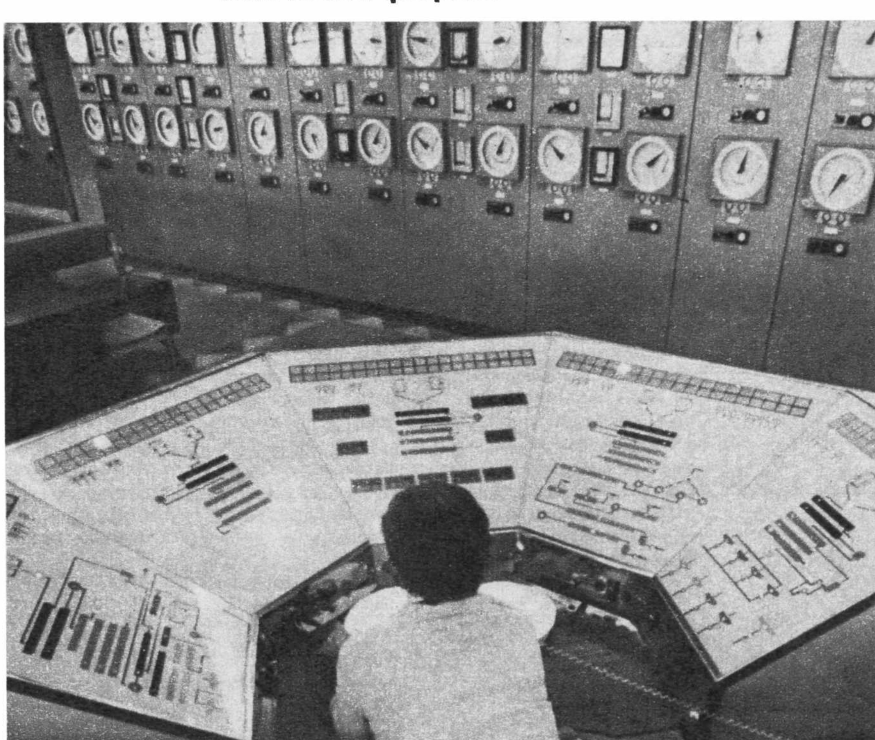
...Я еще не раз встречался с Шарафудином Якубовичем Муллаевым, но так и не спросил у него, за что же он любит горы. Просто каждый раз мне вспоминалось, как он сказал, добравшись до своего высотного забоя:

— Вот мы и дома!

Смена идет.

Пульт управления флотационного отделения на обогатительной фабрике.

Алексей ПАНТИЕЛЕВ

Рассказ

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

Саня Мохов, мой друг, парень неплохой, парень, в общем, хороший, служил действительную службу на востоке, на тех рубежах, которые прикрывают нашу Среднюю Азию и казахские земли. За два года службы он полюбил эти земли, прилепился к ним душой и, когда пришел ему срок ехать домой, решил, что не уедет, не повидав озера Иссык. В жизни своей Саня мало что видел, если не считать Черного моря, но сказать, что ты видел Черное море,— значит, ничего не сказать, а сказать, что ты видел озеро Иссык,— значит, сказать все!

К тому же Саня был на Черном море, верней, на пляже между береговыми бонами в городе Туапсе, еще с мамкой, в прошлом веке, то бишь до армии. Мамка у Сани молодая, складная, на нее заглядываются, а Саню принимают за ее брата. Кроме того, мамка пуглива; правда, на пляже она преспокойно ставила около себя Санины кеды сорок второго размера — и никто не смел даже подсесть к ней, не то что привязаться со знакомством. Сане нравилось ходить мамкиным конвойным крейсером, потом стало прискучивать. Теперь, однако, он далеко и от нее и от ротного старшины, сам себе хозяин.

До поезда в родные края оставался целый день. А было это в воскресенье, седьмого июля. Мохов побродил по Алма-Ате, жаркой, по-воскресному людной, и прежде всего зашел в дом, где жил Мухтар Ауэзов, а ныне был музей; подивился, на скольких языках изданы книги знаменитого казаха, и совершенно случайно увидел его дочь, молодую женщину со смуглым лицом. Она шла, опустив глаза; на ней были наимоднейшие туфли из одних ремешков на босу ногу.

Саня подкатился к ней по паркету, как суворовец на школьном балу.

— Извините. Сержант Мохов! Разрешите спросить...

Она охотно ответила, подвела его к бюсту Ауэзова, сделанному Вучетичем, и Саня подумал: такое лицо не забудешь. В общем, Мохов был доволен собой: все же не оробел, обратился... Но вот что он у нее спросил и что она ему ответила, убей бог, так и не мог потом вспомнить.

Сделал он запись в книге отзывов. Подписался загадочно: «Сержант М., Н-ская часть, Алма-Ата — Москва...» Подпись получилась трехэтажная.

Девчонка одна подпортила Сане настроение. Честно говоря, девчонка качественная, глаза серые, ножки точеные; недурно бы с ней познакомиться, кабы она не была такая грамотная. Оказывается, она смотрела через плечо Сани, когда он расписывался. И вдруг возникла с улыбочкой:

— Ах, ах... Что за автограф! Отчего это военные такие тщеславные?

Второпях Саня ответил довольно плоско:

— А между прочим, заглядывать в чужие письма не положено.

— Разве это чужое письмо? Оно открыто для всех. А потом, извините, это написано на вашем челе.

Тут Саня и отличился... Приложил руку к груди.

— А вы что, видите сквозь гимнастерку?

— Между прочим,— сказала девчонка,— чело — это не грудь, а лоб.

Саня буркнул с досадой:

— Рассеянность гения...

На том они и разошлись, но Мохов еще полчаса злился, злился на себя, потому что именно при полном конфузе перед девчонкой следовало найти с ней общий язык. Штука, в общем, простая: в боксе это называется «держать удар».

Очень долго, в самый зной, пришлось ехать в тесном, тряском, медленном автобусе. Тщетно автобус жался к неверной тени от серебристых тополей: кожаные сиденья и дюралевые поручни были горячие. Мохов расстегнул ворот гимнастерки, поскольку на ней уже не было погон, но ноги в кирзовых сапогах горели.

Когда ехали по шоссе на виду у Талгара (а тут, куда ни поедешь, будешь на виду у Талгара, пятитысячника, который стоит под облаком с лихо заломленной каменной папахой на башке), вдруг все, кто был в автобусе, отвернулись от гор и прижались к окнам с другой стороны. А с той стороны, по синей ленте асфальта, в несколько секунд бесшумно обогнала автобус и ушла вперед кавалькада больших машин, сверкающих, как черные зеркала. Одна за другой они с легким вздохом пролетали мимо автобуса, словно выстреливая вдоль шоссе, и сердце Мохова замирало от ощущения этой непринужденной и горделивой скорости, которая еще недавно была скоростью самолета.

...Дорога втянулась в ущелье, под сосны и ели, поползла в гору. Автобус завыл. Правда, тут было тенисто. Потом ущелье расширилось, распахнулось. Автобус скатился на дно, усыпанное валунами. Оно было жгуче сухо и пылало серым огнем, но, конечно, это было русло; впереди и выше ущелье перегораживала гладкая, словно цельнолитая скала, похожая на плотину.

Где-то, еще выше в горах, лежало озеро Иссык. И пришла в голову Мохову совсем дурная мысль: а что было бы, если бы оно выплеснулось из своего ложа... ну, например, вследствие землетрясения? Саня невольно поежился, глядя вверх. С этой вот плотины оно обрушилось бы, как Ниагара, и раздавило бы, унесло бы со скоростью ветра все сущее в ущелье: и землю, и камень, и лес. Ребяческая, однако, фантазия... «Я в своем репертуаре»,— подумал Мохов.

А впрочем, байки, которые он слышал про озеро в автобусе, были еще внушительней; Саня посмеивался, но слушал с удовольствием... Глубины оно будто бы страшной — до ста метров, и у самого дна, истинного, а может, только воображаемого, стоят в воде утопленники, как это ни странно, нетронутые, точно живые. Почему так происходит, никому не известно и пока не объяснено, но мало ли на свете загадок!

В полдень из безоблачного неба внезапно стал сеяться дождик. Незримая, но колючая моросяка. Она была холодна, как лед, а на вкус Сани еще сладка, как мороженое. На миг на дне ущелья, неподалеку, возникла радуга, широкое основание цветастой арки, которую, казалось, можно пощупать. И исчезла. Дождь перестал, влага повсюду высохла бесследно. И никого это не озаботило: чего не бывает в горах! Тут и грозы, и ветры, и воды, и льды, и само солнце — не такие, как на смирной равнине.

Автобус выбирался из ущелья, когда впереди опять стали вспыхивать слепящие блики, подобно беззвучным выстрелам, и навстречу вереницей вылетели знакомые большие машины и теперь уже, громко ухая в окна автобуса, ушли назад, вниз по сухому руслу.

Потом Саня увидел в другом конце автобуса девчонку, ту самую, с серыми глазами и неопределенной улыбочкой, одинаково умной и глупой, смотря в каком настроении на нее смотреть. Мохов тотчас понял, что девчонка здесь не случайно, так искусно она пряталась в тесноте, так усердно показывала, что не видит его. Ну и возгордился. И во второй раз свалял дурака — не подошел к ней немедля, а подумал сперва: сама подойдешь! Кончилось тем, что он опять ее упустил.

Зигзагами, как по лестнице, автобус взобрался на голую гору и неожиданно встал, распахнув дверцы, в самом неказистом месте, на пыльном плешивом пустыре. Пассажиры гурьбой прошли по дороге и очутились у дощатого бока приземистого лабаза непонятного назначения. А девчонка исчезла.

Когда же Мохов обошел лабаз, обнаружилось, что это не лабаз, а роскошный ресторан, стоит он на берегу, и за столиками и у воды, везде масса народу, шум, суета, примерно как на Черном море.

Что касается озера, то оно было точно таким, как на лакированных шкатулках и портсигарах под серебро. Походило оно на продолговатую фасонную чашу, шириной в километр, длиной в два, крепко схваченную и поднятую ввысь горами-утесами, поросшими дебревой, девственной хвоей, как будто некто каменнорукий, в темно-зеленых шкурах, грандиозный, как Талгар, мог из этой чаши напиться,— вода в ней была густо-зеленая и слабо прозрачная, как камень изумруд, и казалось, что небо над чашей тоже зеленое. Возможно, что озеро лежало в жерле вулкана, и даже не имело дна, и таило в себе неведомое, необъясненное, но было оно необычайно покойно, казалось не очень большим и не величавым, а скорей нежным, милым, задумчивым, смотрело оно на мир не загадочно, а доверчиво и застенчиво, и от этого сладко и грустно щемило сердце и хотелось туда, скорей туда, на его живую зелень, в глубь этой зелени, подальше от берега, на котором ели, лежали, пели, визжали люди, много людей.

Наверное, ему везло в тот день. Мохов щу-

рил глаза и раздувал ноздри оттого, что видел и ждал еще увидеть, когда приметил боковым зрением, что у маленькой пристани отдает чалку белый катер, полный пассажиров. Везение — это быстрота, сказал полководец. В два прыжка Мохов был на пристани и вскочил на корму катера, хотя она уже отлипла и порядочно отошла от стенки. На него закричали, но он без запинки ответил, что при нем пакет, хлопая себя по пустому карману гимнастерки и забывая, что она без погон.

Шкипер с усмешкой, небрежно спросил, куда ему. Саня кивнул в сторону того берега и там, куда кивал, при общем недоумении был высажен. В последнюю минуту Сане показалось, что он перехватил на лету знакомый взгляд, летучую улыбку; конечно, это была она — там, в толпе, на палубе, та самая девчонка, и он пожалел, что сходит с катера, но поздно спохватился.

Остался Саня на каменном пятачке, под диким лесистым обрывом, на который не то что влезть — смотреть было страшно. Катер ушел круто вправо, к другому ущелью, в устье которого тоже виднелись лабазы и большая белая юрта.

Ну вот, сержант Эн достиг, чего хотел, находился на энском озере, в таком месте, с которого выбраться можно лишь «энским» способом. Озеро словно обезлюдело, людей отсюда не рассмотреть, тишина кругом первозданная. Это ли не везение? Полный порядок!

Вода была, как в горной речке, обжигающая. Поэтому Саня окунулся. И на самом солнцепеке в охотку настучался зубами. Ни черта... В Черном море купание скучнее.

Берег был как стена. Поэтому Саня на него полез, благо из стены рос дремучий бор.

То и дело приходилось подтягиваться на ветвях, на корнях, как на турниках, повисать, руками и ногами нащупывая трещины и уступы в скале. Донимала колючая хвоя, немыслимо клейкая смола, и жутковато становилось, как опустишь глаза. Берега не видно. Пропасть без дна... Но возврата вниз не было.

Лез Мохов не меньше часа. Уже воображал себя ночующим в заклиненном состоянии между комлем сосны и скалой, чтобы не сверзиться во сне. Уже видел в таком положении свой скелет в истлевшей одежде, но подпоясанный солдатским ремнем. Уже сто раз твердил себе, что тут не горы Воробьевские, а самые натуральные Алатау, с которыми лучше говорить на «вы», и вслух откровенно подвывал от злости на себя, опять на себя, на то, что измозолился, изодрался весь, с ног до головы, взмок до нитки от пота и, сколько ни лез, по-видимому, оставался на одном и том же месте.

Пик Талгар ненамного ниже Казбека... И до самого Талгара, надо думать, было рукой подать, когда Мохов вроде бы почувствовал, что не висит, а сидит на чем-то более или менее покатом, имеющем сходство с землей. Сидит, в общем, на травке...

Он перевел дух, со вкусом закурил и повеселел. Руки, ноги, спина болели, но отсюда было видно все озеро, еще более похожее на чашу с зеленым зельем, и хорошо видны оба ущелья, нижнее, по которому Мохов приехал, и на берегу — ресторан, и верхнее, большая белая юрта...

Эх, думал Мохов, кабы на этой воде, на зеленой глади парус! Белое крыло... со своим гербом, как у Тура Хейердала... Однако парус хорош на ветру, без ветра парус — тряпица. А тут, как можно догадаться, вечный штиль. Ветров с ревущих сороковых широт или такой штуки, как океанская волна-цунами, не предвидится.

При этой яркой мысли Саня чихнул, машинально сказал себе «будь здоров» и с оторопью огляделся, потому что чихнул не он... Чихнула, видимо, вон та черная козочка в длиннополой, несколько старомодной шубке, но на высоких каблучках, в белых чулочках и с изящной двурогой короной меж острых ушек. Она стояла прямо над головой Мохова, на тонкой трещине в скале, и, когда он поднял голову, быстро пошла от него прочь по трещине, как канатоходец по своей нитке.

Увидев ее, Мохов застонал непроизвольно: эту козку можно было достать не только из ружья, просто из пистолета! Тут же Саня устыдился — не столько своей мысли, ибо меткий выстрел — это вещь! — сколько первого побуждения — убить, устыдился того, как оскалился совершенно по-волчьи и, кажется, подал голос... Ни дать ни взять пещерный житель с дротиком в немытой длани, не евший мяса трое суток.

— Принцесса, я нечаянно...— сказал Саня Мохов с чувством.— Я безоружен, и я у ваших ног.

То, что произошло дальше, было малопонятно. Козочка стала пятиться назад по трещине в скале, потом повернулась, встав на дыбки, налево кругом, и с легкостью птицы спрыгнула со скалы на траву в трех шагах от Мохова, глядя ему в глаза и словно говоря взглядом: звал? Я вот она...

Козочка смотрела, как редко смотрит зверь на человека, смотрела, как умеет только пес. Саня, ошеломленный, сидел, не шевелясь, и козочка, испуганно вытянув голову, подошла к нему почти вплотную. Она дрожала так сильно, что растаращила ножки, как новорожденная, чтобы не упасть.

Мохов вскочил в необъяснимом страхе и закричал срывающимся петушиным голосом полнейшую глупость:

— Ты что? Ты кто?

Саня честно вспоминал впоследствии, что все-таки спросил козку: ты кто?.. Она не испугалась его крика, напротив, как только он закричал, прижалась боком к его коленям и, кажется, перестала дрожать.

Простая догадка осенила Мохова: может, где-нибудь поблизости залег барс, к примеру говоря? Саня вздохнул с облегчением. Десять тысяч лет назад человеку было бы боязно, как козке, теперь много страшней барсу.

Однако ее опять стало трясти. Острые ушки с белыми изнаночками были напряженно повернуты в сторону верхнего ущелья, а глаза смотрели в лицо человеку с отчаянием и бесстрашием предельного доверия.

Тогда и Мохова повернуло, как антенну, в сторону верхнего ущелья.

Тупой удар донесся издалека, из глубины гор, а затем глухое ворчание... С таким щелчком самолет переступает звуковой барьер. Но самолет не показывался, а гудение словно спускалось с высоты и погружалось в горы. Оно становилось жестче, раскатистей, и это был гул земной, а может, подземный, и непонятно было, удаляется он или приближается.

Нынче Сане Мохову уже приходила в голову мысль о землетрясении. Сейчас он не вспомнил о нем. Вообще в башке было пусто: никаких фантазий — ни любопытных, ни смешных. Мохов смотрел в сторону верхнего ущелья, и теперь его тоже трясло и било, как козку.

Протяжный треск, потом грохот вырвался из ущелья, подобно орудийному залпу неслыханной мощи. И неслыханное эхо забилось и заполоскалось в прибрежных утесах. Саня согнулся, набычился; мурашки ползли по его спине, но в глазах был интерес. Темная боязнь мешалась в его душе с почтением и восторгом перед неведомым и небывалым, перед той незримой силищей, которая ходила уже где-то рядом.

И вот небо над верхним ущельем померкло. Медленно, как бы нехотя, но, наверно, на страшную высоту взвился там, в горах, бурый клубящийся смерч. Были клубы и красные, и рыжие, и фиолетовые, и свивались они на высоте в подозрительно знакомый гриб.

Все существо Мохова было потрясено этим подозрением. Он, однако, остался стоять. В армии ему доводилось бывать на учениях с имитацией атомного взрыва. Тогда он падал, не задумываясь, укрываясь от светового и ударного действия, как положено грамотному солдату. Теперь он остался стоять и смотрел на смерч во все глаза, неотрывно. Если бы это был атомный взрыв, он бы уже ослеп. Но вспышки не было. Наоборот, над ущельем расползался мрак. Из ущелья истекал скрежет.

Суждено было Сане Мохову увидеть, как в одну минуту вспухла безобидная светлая речка в устье ущелья и обратилась в кипящий мутный поток. Эта речка тоже носила имя Иссык.

А потом из ущелья с воем выпрыгнул безобразный, скользко-черный дракон высотой в четырехэтажный дом, шириной во все ущелье. Одним махом он расплющил и смел, как щепу, все строения в устье ущелья, лабазы и белую юрту и, словно плюясь вековыми стволами сосен и елей, нырнул в зелень озера, а между тем его туловище, уродливо бесформенное, покрытое лопающимися волдырями, тянулось и тянулось из ущелья, и ему не было конца. Увидев это, Саня смекнул: он видел то, что немногие видели в жизни,— это и есть с е л ь!

Озеро, недвижное, как камень изумруд, всколыхнулось от края до края. По нему прокатился высоченный вал, подобный громадной морщине, длиной от берега до берега; вал пронесся до противоположного ущелья и обрушился с грохотом лавины на перемычку, на которой красовался ресторан, раздавив его, как картонную игрушку, а потом точно так же, громадной морщиной, откатился назад, к устью реки, и на его гребне неслись крыши, стены, полы, столы и стулья, а стволы сосен и елей с могучими комлями стояли торчком, будто ими замахнулись; и еще неслись на гребне вала разбитые и опрокинутые, а также вполне исправные лодки, белые катера и одна большая самоходная баржа, тоже названная именем Иссык,— все суда полны людей.

Саня лихорадочно соображал, глядя в небо, где клубился рыжий гриб. Солнце, солнце виновато, думал Саня. Вот так же, как сегодня, оно палило всю весну, а нынче взорвало последний ледяной рубеж, да так, что пыльный смерч погасил небо...

Ученые люди говорят: ледники под Талгаром — сила неспящая. Десятилетиями неслышно и незримо дробят они скалы, сползая с заоблачных высот. И лежит под ними каменная дробь, обкатанные валуны — морена. Нынешней весной Ярило-солнце растопило Снегурочку. Обратило оно ледник в моренное озеро (а это подобно замаху кувалдой), а потом раскололо ледяную колыбель. И потащила бешеная вода с поднебесья вниз всю морену — валуны, щебень, грунт, а попутно и лес, живой лес, кося его, как высокую траву.

После первого удара в верхнем ущелье стало как будто бы тише. Грязекаменный поток ослабел, отощал, рыжий гриб в небе расплывался, рассеивался серенькими облачками.

Где-то в горах, на изгибе ущелья, надо думать, образовался затор, мощная каменная пробка. Саня Мохов понял это, когда опять там, ближе к Талгару, раскатился гром среди ясного неба. Это значило, что затор пробит. Саня отчетливо представил себе, как громоздко и легко кувыркнулся через голову черный дракон, расшвыривая стволы, как спички, и прорвался через препону. Если бы Саня мог заглянуть в глубину ущелья, он увидел бы, что в узких его местах туловище селевого потока достигало высоты не четырех, а двенадцати этажей! И текло это гороподобное драконово тулово с резвостью горной речки. Прошли минуты, и оно опять вылетело из горловины ущелья и стало рушиться в озеро Иссык.

И второй зеленый вал, такой же страшный и великолепный, с грузом обломков на гребне, рябой от этого груза, не медленно и не быстро, с устрашающей размеренностью прокатился по озеру, от верхнего ущелья к нижнему, а потом обратно, от нижнего к верхнему, и все берега, скалистые и отлогие, покрылись белой гривой чудовищного прибоя и долгий гул, рев, вой захлестнули зеленое небо, а прибрежные утесы задрожали, как струны.

Потом случился, судя по всему, еще один затор в глубине ущелья. Но сель только поднакопил при этом веса и силищи... И третий вал, самый большой, самый сокрушительный, самый красивый, прокатился по озеру, вперед и назад, минут через пятнадцать после второго,— кажется, последний. И ничего больше на берегах не осталось из того, что было построено, все разнесено по бревнышку, по досочке, все на плаву.

Валы походили, вполне походили на цунами. Но теперь Саня не думал об этом. Он думал о том, зачем суда с людьми мечутся по озеру, рискованно лавируя между ветвистых стволов. Понял и содрогнулся: суда подбирают тонущих; быть сейчас в воде — значит, конечно, тонуть. Когда теплоты в воде меньше десяти градусов, недолго будешь плавать, скрутит судорога. А ссадить людей на берег немыслимо: подойти сейчас к берегу — значит разбиться вдрызг.

Самоходная баржа брала на борт обычно сто человек, в часы «пик» — сто двадцать. Теперь на ней было двести. Но у штурвала стоял человек, видимо, хладнокровный. Его железные руки трижды ставили баржу носом против океанской крутизны вала, и, хотя стекла в рубке были высажены первым же хлестком, а баржа трижды показывала киль чуть ли не до середки днища, людей она не разроняла. Белые рубахи, пестрые платья на палубе переливались радугой.

Не там ли была девчонка с серыми глазами и скла́дными ножками? Попала ли она на баржу?

Саня ладонью рывком закрыл глаза. Солнце раскололо небо, оно треснуло, и из трещины слепящими каплями, хвостатыми факелами истекал жар. Озеро качалось в своем ложе, точно в каменном тазу, а прибрежные утесы опускались и поднимались поочередно, как клавиши. Саня стоял, горбясь, кривясь, будто его самого гнула судорога.

С трудом, превозмогая боль, он выпрямился, встряхнулся и тут ощутил некую неловкость, что-то с ним случилось новое, важное. Что же? Саня опустил глаза и увидел: козка отошла от его ног! Козка смотрела в сторону и бодро фыркала... Саня бледно улыбнулся. Это как же понимать: лучше будет или хуже? И, обессиленный, разбитый, сел, где стоял. Все тело его ломило от тягучей стойкой боли.

— Принцесса,— сказал Саня Мохов жалобным голосом,— неужели вы меня бросите?

Вдруг он вспомнил, что у него в кармане билет на вечерний поезд, и засмеялся, хотя было ему совсем не весело и не смешно.

Козка мотнула головкой, помигала желтыми глазками и пошла от Мохова прочь. Хвостик ее стоял торчком, как крошечная антенна. Звала она за собой, что ли? А чем черт не шутит! Откровенно говоря, пора было и выбираться отсюда, а сель отрезал все нормальные дороги. «Но я не пройду там, где вы пройдете, принцесса!» — подумал Саня и все же встал и, прихрамывая на обе ноги, покряхтывая от боли, пошел за козкой.

Козка, дикая царевна, шла горной лесной целиной, чаще всего по крутизне, вдоль обрывов, однако путем, доступным Сане Мохову, хотя в иных местах у него кружилась голова. То и дело козка пропадала из виду, но неизменно оказывалась поблизости. На ходу она пощипывала травку; к сожалению, травы Мохов не ел... А вот поить она его поила, где сама пила; вода был ключевая, Саня от нее хмелел.

Часто и надолго терял Саня из виду и озеро. Когда же оно открывалось вновь в прогалах среди исчерно-зеленой, а на свету красной хвои, то уже не казалось нежным и задумчивым и вид у него был не доверчивый и не застенчивый. Оно побледнело, выцвело и не походило больше на камень изумруд. Лицо его было словно побито оспой. Губы покрыты пеной. Оно морщилось, ежилось и плевалось от отвращения.

Вода в озере прибывала и прибывала. Это было заметно даже издалека. Козка, глядя на озеро, застывала, как заяц перед удавом, развесив ушки в стороны. Приходилось окликать ее тихим свистом. И Саню Мохова не покидало суеверное ощущение, оно усиливалось и обострялось, пока не стало ясным предчувствием, что самое худшее, самое страшное еще впереди.

Волоча гудящие в сапогах ноги, Мохов брел и брел за козкой, по горам, вокруг озера, в сторону нижнего ущелья. За всю дорогу, за целый день им не встретилось ни одной живой души — ни человека, ни зверя. Под вечер козка опять стала жаться к Саниным ногам. И случилось так, что сгоряча, в отупении и раздражении усталости, Саня оттолкнул ее. Пнул сапогом в мягкий шерстяной бочок...

Нечего говорить, что мужчина так не сделает. Поступок сопливый. Но тщетно Мохов себя корил. Козка пропала. Звать ее? Дикую царевну не подманишь. Тогда-то и услышал Саня отдаленный, непонятный звук. Налетал он порывами, как дуновение,— то низкий, басовый свист, то высокий, звонкий вой.

Саня прислушался. Что же это теперь может быть? Так, пожалуй, может гудеть лесной пожар. В этих местах, на обрывах и скатах, от огня не убежишь. Спросить бы козку...

Саня огляделся и вскрикнул: вот она! Стоит, мотает головой, словно совестит его. Он пошел к ней, спотыкаясь, вытянув руки. Обхватил, погрузив пальцы в густую, длинную шерсть. Козка дрожала, фыркала, но не вырывалась. В общем, простила.

Они пошли вместе на странный звук. Он густел, наполнялся мощью, словно матерел, и становился все злей и злей. Шли они еще часполтора, и за это время звук превратился в оглушительный, свирепый рев. Последние минут пятнадцать Мохов почти бежал на этот рев, хотя был голоден и изнурен и, конечно, трясся от страха. Летел, как бабочка на огонь. Уже в вечерних сумерках он выбрался наконец в горловину ущелья и затрясся еще крепче, потому что увидел то, что, наверное, не видел никто и никогда. Ревело гибнущее озеро Иссык.

Сотни, а может, тысячи лет каменная перемычка, целая гора подпирала озеро со стороны нижнего ущелья и держала его на высоте, как чашу. Примерно за восемь часов, за один урочный день вода, вздыбленная селем, размыла эту неказистую, голую гору. Вода распорола несметной мощи каменную перемычку от гребня до основания и прорыла щель глубиной в шестьдесят метров, как раз от поверхности озера до его дна. По-научному — каньон. И совершилось то немыслимое, невообразимое, что мерещилось Сане Мохову под воздействием ребяческой фантазии и жары, когда он ехал сюда по ущелью. Погнал безобразный, черный дракон, талгарский демон злосчастное озеро Иссык вон из его вековечного ложа.

Наверное, такого не бывает в жизни. Такое случается разве что в сказках. Во всяком случае, ни о чем подобном Сане Мохову не доводилось ни читать, ни слыхать.

Озеро уходило через каньон стеной, обвалом, шестидесятиметровой высоты струей, острой, как меч, срезая на пути и размалывая целые горные склоны заодно с лесом и камнем.

Не шевелясь, не мигая, смотрел Мохов, как из раны, смертельной, от плеча до живота, уходила жизнь, истекала зеленая кровь — вечерняя заря вернула ей ее истинный цвет. Сплошная завеса, нет, несколько завес из красных брызг, волнуясь и дробясь, ходили над каньоном, как сполохи северного сияния. Красный туман застилал ущелье. А небо клонилось и кренилось, падая в красный туман.

Окончание следует.

Ю. Подляский. ЗВЕНЬЕВАЯ МАРИЯ СЕМЕНОВА.

Ю. Подлясский. ЖАРКО.

АЛ. АЗАРОВ,
ВЛ. КУДРЯВЦЕВ

ДОМ БЕЗ КЛЮЧА

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки И. УШАКОВА.

11. Сентябрь, 1943. Штутгарт, Адлерштрассе, 11 («Алеманишер Арбайтскрайс»).

Вилла на Адлерштрассе, 11, не частное владение, а один из филиалов команды АА [1], подчиненной Бергеру. Поселившись здесь, Бергер распорядился на два дня отключить все телефоны, никого не пускать, ни о чем не докладывать. Пользуясь покоем, он написал адмиралу доклад о положении в Париже и своих планах в отношении «Геомонда».

В подвале виллы — отлично оборудованный тир. Бергер пристрелял несколько пистолетов, в том числе и плоский легкий браунинг — штучное изделие заводов «Лепажа» в Льеже. Браунинг был удобным, по руке, бил кучно; «вальтеры» нравились Бергеру меньше: тяжелая рукоять и жесткий спуск. Впрочем, из них он тоже стрелял недурно и выиграл пари у одного из старших офицеров — пари не на шампанское, а на седьмой патрон. Офицер, проиграв, с затуманенными глазами разрядил обойму своего пистолета. Бергер бросил в перевернутую фуражку шесть учебных патронов и один боевой, перемешал и выключил свет.

— Зарядите сами.

В темной, щемящей тишине звуки были преувеличенно громкими. Бергер вслушивался в щелчки: третий... пятый... седьмой... Восьмой щелчок — выше тоном — означал, что обойма вогнана в гнездо рукояти. Бергер включил свет и лениво кивнул:

— Прошу, майор!

Голова майора, выбритая догола, жирно блестела под желтой лампой. Словно завороженный, майор поднес пистолет к виску и, зажмурившись, придавил гашетку. Бергер придержал его руку, отвел вниз.

— Составьте на всякий случай завещание. Не обязательно по форме: война позволяет нам некоторые вольности.

Майор осел, и Бергер едва успел поддержать его и посадить на стул.

— Ну, ну!.. Не распускайтесь! Это же просто!

Нервно посмеиваясь, Бергер приставил пистолет к виску майора. Не торопясь, нажал гашетку и, услышав сухой щелчок, сказал с удивлением:

— Вам повезло!

Майор всхлипнул, глаза его стали закатываться.

— Следующий мой,— сказал Бергер и передернул затвор.

Стук бойка показался ему громом. Все еще посмеиваясь и не думая ни о чем, Бергер отвел ствол в сторону и нажал на спуск пять раз подряд. Боевой патрон оказался седьмым...

На следующее утро Бергер подписал майору направление в резерв абвера и позабыл о нем и о пари — вычеркнул их из памяти, по опыту зная, что умение быстро забывать — достоинство, а не недостаток.

Ширвиндт и «Геомонд» — вот что интересует его, а отнюдь не моральное состояние сотрудников «Алеманишер Арбайтскрайс». Агентура в Женеве и Берне, подчиняющаяся атташе германской миссии барону фон Бибра, определенно не подходит для работы с «Геомондом». Бергер едва добился от нее достоверной информации о количестве комнат в конторе и квартире Ширвиндта, наличии запасных ходов, числе окон на всех этажах здания и иных пустяках. Фон Бибра не спешил с ответом и тогда, когда Бергеру понадобился план второго и третьего этажей дома 113 по рю Лозанн. Только через декаду барон соизволил позвонить и объясниться. Оказалось, его люди никак не могут проникнуть дальше коридоров и приемной. Бергер вспылил, растолковывая господину атташе, что прибегать к услугам агентов нет нужды. Надо отыскать контору архитектора, проектировавшего дом, или подрядчика, строившего его, и под любым предлогом приобрести кальки.

Фон Бибра пообещал, и кальки вскоре прибыли — как Бергер предполагал, их удалось купить у архитектурной фирмы без малейших затруднений. С той же диппочтой в АА пришла посылка: три костюма из женевского магазина стандартного платья, галстуки, рубашки, обувь и нижнее белье. Все вещи были недорогие, соответствующие заработкам среднего служащего...

Уладив дела с одеждой, Бергер занялся изучением «окон» на границе. Если приказ на переход будет получен, он возьмет с собой двоих, не больше. Телохранителя и оператора. Одного из прежней своей команды и Мильмана, переведенного из Кранца в Париж...

По ночам, лежа на спине и закинув руки за голову, Бергер — в сотый раз! — проверяет, отрабатывает, оттачивает свой маршрут. Железнодорожная ветка от французского Дивона до швейцарского Нойсса на пограничном участке проходит в тоннеле. Машинист на несколько секунд замедлит ход, и Бергер, одетый железнодорожником, впрыгнет на площадку вагона-контейнера. Настоящий железнодорожник — им должен быть немец! — спрячется внутри. Вагон — возвратный, с вечерним маршрутом он везет молоко. В Нойссе Бергер сойдет у автострелки и переоденется в бетонном бункере — пограничная стража им не пользуется как устарелым...

Сегодня ночь особенно длинна и, кажется, никогда не кончится. Бергер заставляет себя не дотрагиваться до сигарет: если закурить, сон уйдет окончательно... Получила ли Эмми желтого зайца? Лизель ничего не пишет об этом... И не попросить ли у Канариса отпуск? Все может статься, и не исключено, что свидание с Лизель окажется последним перед долгой разлукой. С Ширвиндтом не покончишь за день. И не ясно до конца, какую конкретную задачу поставят перед Бергером на Трипиц-Уфер. Три пути: выслеживание, перевербовка, физическое уничтожение. Первый и третий, пожалуй, не сулят успеха. Следить можно долго, бесконечно долго; легче и проще, конечно, пулю в живот или толчок под колеса. Но и это не выход. Что, если у Ширвиндта есть заместитель или, что еще хуже, он сам — всего лишь прикрытие для настоящего резидента? Уйдут месяцы, пока нападешь на новый след... Значит, перевербовка?.. На какой основе?

Бергер сбрасывает одеяло и включает свет. Сигарета крошится в пальцах, спички не хотят гореть... Предложить достойную сумму в валюте, золоте или драгоценностях. Сколько запросит. Перевербовать и пропустить через рации резидентуры поток дезинформации.

План, как дом, складывается из кирпичей. Бергер укладывает их в ряды, возводя стены постройки. Кажется, Гаузнер называл русскую группу домом без ключа? А нужен ли ключ?.. Нет! Просто следует выселить старых хозяев и стать новыми — более щедрыми.

Утро застает Бергера на ногах. Проветрив комнату, он снимает пижаму и делает зарядку. Обычный комплекс по Мюллеру: бег на месте, прыжки, приседания.

Растеревшись махровым полотенцем, Бергер включает приемник и ловит Париж — легкую музыку. Набирает в фаянсовый тазик холодной воды и массирует кожу рукавицей из шинельного сукна. Тело горит. Следом за певицей Бергер повторяет слова песенки: «Он был простым капралом, всего лишь капралом. Он был отличным малым и славно воевал!..»

Он не знает, когда прикажут действовать. Но быть готовым к действию постоянно — это правило полковник абвера Бергер возвел в принцип и никогда от него не отступает.

12. Сентябрь, 1943. Париж.

Комиссар гестапо старший правительственный советник Гаузнер меньше суток находится в Париже, куда его вызвал Рейнике. Однако бригаденфюрер с места в карьер загрузил его делами и вдобавок подсунул помощника — старого знакомца Мейснера, как всегда, околачивающегося при штабе без определенной должности.

— Для начала проконтролируйте Шустера,— сказал Рейнике, выслушав рапорт Гаузнера о прибытии.— Прихватите Мейснера и проверьте, как идут дела в радиороте. Что-то в последние дни они не дарят нас сенсационными новостями. Ехать рекомендую с утра.

В 7.00 Гаузнер и Мейснер — на улице Курсель.

Гаузнер зевает: не выспался. Хорошо Шустеру и Мейснеру, они молоды и занимались спортом. Попробовали бы полжизни просидеть за столом в полицейских участках и еще изрядную часть ее проторчать в проспиртованном воздухе притонов и злачных мест... Впрочем, в участках воздух не лучше — сплошная карболка...

Автоматчики у ворот долго и придирчиво рассматривают удостоверения комиссара и Мейснера. Здесь абвер и свои порядки. Документы, выданные гестапо, оказываются бессильными заменить клочки бумаги с бледным

Продолжение. См. «Огонек» № 24-26.

[1] «Алеманишер Арбайтскрайс» («Немецкий кружок труда») — одно из подразделений РСХА.

штампом — пропуска, которые дежурный после разговора по внутреннему телефону выносит и вручает гостям.

Шустер при встрече не проявляет энтузиазма. В конце августа он стал майором и, вознесясь в армейские сферы, доступные тем, кто обладает «гусеницами» на плечах, приобрел привычку говорить сдержанно и веско. Советник Гаузнер для него штафирка, а Мейснер — армейская мелюзга. И только.

— Хайль Гитлер! Чем обязан, господа?

Гаузнер нисколько не огорошен приемом. В каждом монастыре — свой устав. Чинов РСХА, невзирая на ранги, связывает единство крови, духа, идей и общность, присущая членам особого ордена. В абвере не так. Здесь господина майора от господина капитана отделяет не шажок вверх и не разница в погонах, а принадлежность к двум кланам — тому, где офицер вместе с солдатами б е ж и т в атаку, и тому, из которого посылают других б е ж а т ь в атаку.

— Хотите покататься? — спрашивает Шустер, поводя подбитыми ватой плечами.— Фельдфебель Родэ! Ефрейтор Мильман!

Из строя, вытянутого вдоль боксов гаража, выступают двое. Гаузнер заранее улыбается при виде кривоногого Родэ. Толстый краб в необъятных штанах. Мильман, будто в противовес, тощ и высок. На унылом носу очки.

— Лучший экипаж,— вполголоса говорит Шустер и почти шепотом добавляет: — Родэ когда-то донес на Мильмана, и они ненавидят друг друга. Но в работе оба выше похвал! — И громко: — Слушай задачу! Выходим на Большие Бульвары с интервалом один километр и слушаем друг друга. Пеленгуемые частоты в пределах тысячи трехсот восьмидесяти — тысячи пятисот. Время передачи неизвестно, районы неизвестны, частоты сменяемые. Повторить!

Шустер отворачивается, и Гаузнер видит, как Родэ едва заметно показывает язык. Однако фельдфебель слово в слово повторяет приказ — и с таким усердием, что комиссар начинает сомневаться: не померещилось ли?

Шустер пальцем манит Родэ.

— Эти господа и я пойдем с вами.

— Да, господин майор!

— И если ты хоть раз испортишь воздух, я сам выкину тебя вон!

— Господин майор разрешит? Это был не я.

— Так вонять может только фельдфебель. Марш к машине!

Родэ козыряет и стремглав летит к гаражу. Через минуту из бокса, воя дизелем, выбирается длинный серебристый рефрижератор. За рулем — парень в комбинезоне и берете; по борту надпись: «Трансперевозки СИМАК. Тел. Клиши-05-19».

— Этот подойдет,— говорит Шустер нерешительно.— В других тесновато. Господа простят меня, пеленгатор не купе люкс... Дежурный! Три подушки!

По идеально выметенному плацу, сбрызнутому водой из садового шланга, Гаузнер, Шустер и Мейснер идут к боксу, возле которого с включенным мотором стоит пеленгатор. На гофрированных бортах кузова возникают три серые растущие тени: большая, толстая — Гаузнера, узкая и длинная — Шустера и маленькая — Мейснера.

В кузове тесно и душно. Пахнет краской и нагретым металлом. Зеленые шкалы приборов фосфоресцируют, медузами плавая в полумраке. Родэ захлопывает дверь и включает слабую лампочку под потолком...

— Включить местную связь! — громко говорит Шустер.— Пошли!

— Да, господин майор!

Мильман поворачивает ручки, и в кабине, сливаясь с гулом мотора, начинают звучать голоса, музыка, писки, треск, снова музыка, и снова писки и треск...

Гаузнер, держась за сиденье, с трудом удерживается на узеньком железном стульчике. Тонкая волосяная подушка не спасает его от ушиба, когда фургон вдруг тормозит и, дернувшись, набирает скорость. У ног комиссара, скрипя, поворачивается «рамка», и Гаузнер подтягивает колени к самому животу. Ему становится скучно: путешествие в пеленгаторе, очевидно, не сулит ничего, кроме синяков.

Проходит полчаса, и скука усиливается, гнетет комиссара, вызывая зевоту; ноги начинают ныть, и Гаузнер с досадой ругает Рейнике: нашел поручение! Шустер сидит напротив; пятно вместо лица и режущие слух команды:

— Проверить тысячу четыреста — тысячу четыреста пятьдесят. Чисто?..

— Не пеленгуете? — догадывается Гаузнер.

— Пока да.

— Надеетесь поймать?

— Вы, полагаю, читали сводки?

— Разумеется,— ласково говорит Гаузнер.— Не далее как нынешней ночью и хорошо помню: в них всего два или три раза были доклады об удачах, подписанные вами.

— Эфир не Елисейские поля! От нас ждут чудес, а мы только люди, господин комиссар. Решите-ка задачу, не зная ни одного числа! Складываем нечто с чем-то, делим на что-нибудь, вычитаем что-то и получаем... Что, по-вашему, мы получаем?

— Кукиш?

— Не совсем,— говорит Шустер.— Все-таки мы их пеленгуем. Рации выходят в разные часы, на неповторяющихся частотах, и вдобавок каждая проводит в эфире ровно пятнадцать минут. На три штуки — меньше часа... Впрочем, в последний раз их было две.

— В последний?

— Да. Это был четвертый случай за три месяца, когда мы взяли уверенный пеленг.

«Рамка» скрипит и скрипит, бесконечно вращаясь вокруг оси. Мильман и Родэ ни на миг не отрываются от аппаратуры. Динамик под потолком извергает потоки шумов.

— Поймали? — спрашивает Гаузнер.

— Мы все время кого-нибудь слышим. Париж нашпигован нелегальными передатчиками — английскими и голлистов. Ими занимаются другие.

— И вы их различаете? — спрашивает Гаузнер с невольным уважением.

— Как вы соседей. Большинство зарегистрировано в нашем каталоге, а новых нетрудно распознать по почерку...

Машина продолжает бег по кольцу Больших Бульваров, а пятеро в кузове, страдая от духоты, думают — каждый о своем. Мейснер мечтает о том, что судьба даст ему генеральские погоны и тогда он заставит всех поползать на брюхе. Родэ обдумывает дилемму, связанную с присутствием нежелательных ему лиц в машине. Как-никак работа радиоабвера — секрет, который следует всячески оберегать от всех. Очевидно, следует донести сегодня или завтра... Шустер, свежеиспеченный майор, размышляет, какие льготы и преимущества дает новое звание.

Ефрейтор Мильман слушает эфир и жалеет самого себя. Он считает, что ему не везет. Когда-то Родэ доносом, сам не ведая того, оказал ему услугу. Вместо изматывающих вахт в пеленгоавтобусах — спокойное местечко в Кранце, где его скоро выделили, дали понять, что повышение не за горами. Начальник радиопоста доложил в Берлин, что ефрейтор поймал русский передатчик в Париже, и перевел Мильмана на связь с агентурными рациями резидентов абвера за рубежом. Это был прямой

путь к погонам унтер-офицера, тем более что вскоре Кранц посетил важный господин в штатском и долго говорил с Мильманом наедине. Ефрейтору дали подписать документ, на котором стояло: «Тайна государства»,— и попросили, ничего не утаивая, рассказать о себе. Мильман, услышавший, что начальник поста назвал штатского «господином генералом», выложил все как есть. Об отце — рабочем из Франкфурта, не занимавшемся политикой; о себе, перенесшем из-за доноса Родэ множество неприятностей... Господин в штатском успокоил его: «Вы настоящий немец, Мильман! Работайте и держите язык за зубами!.. Один из старых операторов заболел, вы замените его. Будете держать связь с нашей рацией в Женеве. Позывные — РСХА. Тут есть тонкость — вам не ответят. РСХА будет только слушать в определенные часы. Радист там не очень опытный, так что передавайте медленно и бог вас сохрани — не сбейтесь и не напутайте!.. И последнее: текст будете получать непосредственно от начальника поста и в его же присутствии уничтожать... Это — важное дело, Мильман! Кто бы и когда бы вас не стал расспрашивать — забудьте все и откусите себе язык».

Под документом с грифом «Тайна государства» Мильман уверенной рукой вывел подпись: обязательство хранить секрет было векселем, гарантировавшим, что вопрос об угольниках унтер-офицера решится в короткий срок... И вдруг — конец всему! Приезжает Бергер, приказ в зубы — и марш-марш назад, в Париж! Мало радости вновь встретиться с Родэ!

Мильман действительно неудачник. Но совсем по иным причинам. Одна из них — привычка к дисциплине и повиновению. Нарушь Мильман клятву молчания о РСХА и, как знать, не стал ли бы он сразу лейтенантом. Если не в армии, то в СС наверняка! Рейхсфюрер СС Гиммлер не пожалел бы для Мильмана отличия за один намек о существовании РСХА и краткий рассказ о господине в штатском — одном из десяти корреспондентов издателя Макса, Люцерн, улица Капельдаге, 5.

13. Октябрь, 1943. Женева, рю Лозанн, 113.

Очевидно, БЮПО всерьез взялось за «Геомонд». Два молодых человека с незапоминающимися лицами, не особенно скрываясь, ходят за Вальтером по пятам. Если он ускользает от них, молодые люди возвращаются к конторе и ждут: один коротает время в аптеке напротив, а другой устраивается где-нибудь неподалеку — в подъезде или подворотне. Провожая Ширвиндта, они соблюдают вежливую дистанцию. Вальтер примирился с их существованием, как мирятся люди с дождем, градом, ветром — явлениями, лежащими вне их воли. Такой надзор, как правило, не предваряет ареста. Цель у БЮПО другая — напугать, заставить суетиться и совершать ошибки. Очевидно и то, что знакомства Ширвиндта пока не разрабатываются: во всяком случае, наружные наблюдатели не особенно интересуются, кому Вальтер пожимает руки в ресторане, на бирже или в концерте.

Вальтер нашел способ через Грюна поставить в известность связников и радистов, что материалы отныне пойдут исключительно по цепочкам через тайники, и продолжает жить, как прежде — работа в конторе, обед в ресторане, отдых вечером — в кино или позднем кабаре. Тайники расположены так, что Ширвиндт почти без труда изымает из них бумажные шарики с информацией от Макса и других источников и, в свою очередь, закладывает короткие сообщения Центру, шифровать которые приходится по ночам. Все «почтовые ящики» оборудованы в подходящих местах — телефонных будках, туалетных комнатах, на скверах. Каждую неделю их приходится менять, и Вальтер проявляет немало изобретательности.

Однако всего не предусмотришь!

Вот почему Ширвиндт сейчас сердит. Даже не сердит — он по-настоящему взбешен. Что за удивительный человек Камбо: в спокойные времена настаивал на строжайшей конспирации, а теперь звонит в контору и требует свидания! И где — в холле «Отель де Женев»!

Думая об этом, Вальтер рывками натягивает тесные перчатки. Поправляет галстук и зовет Элен:

— Я просил такси, мадемуазель Бертье.

Элен, прежде чем ответить, захлопывает блокнот и вкладывает в него карандаш — в Высшей школе ее учили, что секретарша, входя в кабинет, обязана захватить с собой нейтральную улыбку, носовой платок и все для стенографии.

— Вы вызвали такси? — повторяет Вальтер нетерпеливо.— Где авто?

— Шофер ждет, у него на счетчике три франка двадцать.

— Я уеду на два часа. Или на три. Позвоните в «Курьер» — они могут прислать за заказом. Пусть срочно переведут на наш счет все сполна за вычетом аванса.

— Утренняя почта...

— Потом, Элен. Отошлите то, что я продиктовал вчера, и проследите, чтобы письма не затерялись.

Вальтер разглаживает перчатку и двумя руками водружает шляпу, стараясь, чтобы она сидела прямо, без легкомысленного крена на бочок. Темная шляпа, темный костюм, коричневые ботинки без лоска и галстук в два цвета — солидно и не выбьется из общего стиля «Отель де Женев»...

...Камбо ждет в глубине холла. Вальтер находит его за живой изгородью из тропических кустов, усеянных розово-белыми цветами. Камбо кормит маленькими миндальными пирожными ярких попугайчиков — единственных бесплатных жильцов в оазисе гостиничной роскоши. Поднос с лакомством держит бой в круглой шапочке с тонким галуном, удостоверяющим его принадлежность к низшему разряду персонала.

— Добрый день,— говорит Ширвиндт достаточно сердито, чтобы Камбо почувствовал его настроение.— Надеюсь, вы не соскучились, ожидая меня?

— Представьте, нет!

Камбо словно пережевывает слова, и от этого они теряют окраску. Тем же тоном он отпускает боя:

— Вы не нужны мне, голубчик.— И добавляет, адресуясь Ширвиндту:— Не хотите ли присесть?

Вальтер опускается в кресло и, оглядевшись, достает сигареты. Говорить с Камбо надо спокойно — холл отеля не та сцена, на которой разыгрывают драмы со страстями.

— Ого, «Честерфилд»! — говорит Камбо, глядя на пачку.— Почему американские? Мне всегда казалось, что вы такой патриот, что готовы из любви к своей земле обетованной курить отечественные табаки. Или нет?

— Я бы не хотел...

— Понимаю! — примирительно говорит Камбо.— Скажите: вы при деньгах?

— Ах, вот что!

— Не спешите думать плохо... Во время о́но, заключая наш союз, я решил про себя, что отнесусь к вам так же, как вы ко мне. Вы оказались щедры и достаточно деликатны и, не стану таить, пробудили во мне чувство признательности. Поэтому я позволил себе пригласить вас сюда и объясниться, как заведено между людьми порядочными и уважающими друг друга...

— Что же дальше?

— Времена меняются, мой друг, и мы меняемся с ними. У истоков нашей дружбы стояли Марс и Гермес — бог войны и бог торговли. Они и осенили ее своим благословением. Я продавал, вы воевали. Не так ли?

— Что случилось, Камбо? Испугались?

Узелки из морщин на лице Камбо разглаживаются. Губы растягиваются, приоткрывая ровную полоску фарфоровых зубов такой белизны и красоты, какую создает не мать-природа, а дантисты.

— Рассуждая логически, я совершаю ошибку, говоря с вами. Мы ничем не связаны, и для меня проще исчезнуть, не напоминая о себе,— был дух Эола, и нет его. Но, повторяю, вы зародили во мне теплое чувство, и — редкий случай! — мне жаль терять нашу дружбу... Однако... Помните, я предупреждал: мы будем держаться за веревку колокола, пока он не начнет отзванивать панихиду господину с усиками?

— Ну и?..— говорит Ширвиндт нетерпеливо.

— Каждый из нас понимает, что панихиду вот-вот начнут. Германия овдовеет и захочет вступить в новый брак. С кем — вот вопрос. С мускулистым пролетарием, предлагающим ей не руку и сердце, а серп и молот, или же с джентльменом из хорошей семьи, способным обеспечить привычные блага.

— А сама Германия? Вы спросили ее?

— Спор заведет нас далеко... Скажите: я не подводил вас? Вы не имеете повода попенять мне, что те... ну, допустим, рассказы, которые я писал для вас, были не точны?

— Нет! — говорит Ширвиндт без колебаний.

— Тогда прошу вас, будьте человеком чести и дайте слово, что ни сейчас, ни впредь меня никто не потревожит и не напомнит о вас. Вы понимаете?

Вальтер ногой подвигает фарфоровую плевательницу — цветок на бронзовом стебле — и бросает окурок. Отгоняет рукой дым.

То, что Камбо рано или поздно уйдет, к этому Вальтер был готов. Можно скорее удивиться, что он так долго соблюдал союзническую верность. Германия на грани поражения, и даже газетные обозреватели, «воюющие» по карте, сходятся на том, что Красная Армия после Сталинграда наращивает мощь наступления. Гадают только о сроках — оптимисты предсказывают капитуляцию весной будущего года, осторожные считают, что Гитлер способен продержаться значительно дольше.

Камбо щелкает пальцами, подзывая скользящего мимо боя.

— Две водки! Две большие русские водки!

— Мне перно.

— Большую рюмку русской и перно. Принесите сюда!

Бой отходит, и Ширвиндт достает новую сигарету.

— Вы часто курите.

— Привык.

— Я могу верить вашему обещанию?

Ширвиндт, не отвечая, берет с подносика перно, принесенный боем.

— За что мы пьем?

— Так, ни за что...

Вальтер медленно выцеживает рюмку. Бросает на поднос монеты и, дождавшись, когда бой отойдет, протягивает руку.

— Прощайте, Камбо. Гонорар получите завтра же... Еще раз: прощайте.

Не ожидая ответа, он поворачивается на каблуках и идет к выходу, расстроенный и озадаченный... С Камбо все кончено! Жаль! Чертовски жаль! Обозреватели спешат со своими прогнозами разгрома, и сейчас информация не менее нужна, чем два года назад. Правда, Макс — превосходный источник, но сведения его до сих пор перепроверялись именно данными Камбо...

Молодые люди — две тихие «тени» — дают Вальтеру отойти от подъезда отеля и, не укорачивая дистанции, провожают его. Ширвиндт тащит их через Новый город, до моста, через мост, по набережной, к Библиотеке — прогулка нужна ему, чтобы без помех обдумать все... Разрыв весьма несвоевременен. Ах, Камбо, Камбо!..

Ширвиндт огибает угол и укорачивает шаг: Шарлотта в нарядном плаще, задумчивая и смущенная, окликает его, выходя из подъезда «Геомонда».

Вальтер снимает шляпу.

— О! Вы! — лепечет Шарлотта и краснеет.

Вальтер вежливо улыбается и уступает дорогу, но Шарлотта отнюдь не склонна расстаться так быстро. Щекотливая ситуация: в Женеве не принято заговаривать на улице с женами квартирохозяев. Проклиная судьбу, Ширвиндт медлит со шляпой в руках.

— Вы к себе? — говорит Шарлотта.

— Да, мадам.

— Догадываюсь — дела? У мужчин всегда дела!

Глаза Шарлотты блестят. Она смотрит на Вальтера в упор, словно внушая что-то, и он вдруг угадывает, что встреча не так уж случайна и что скорее всего Шарлотта ждала его.

— Простите, Вальтер,— быстро говорит Шарлотта.— Мне нужно поговорить с вами, но не сегодня... как-нибудь в другой раз.

— К вашим услугам.

Ширвиндт кланяется вторично и надевает шляпу. Что было в глазах Шарлотты? Беспокойство? Угроза? Вальтер поднимается к себе с тягостным чувством — такое бывает, когда только что совершишь ошибку.

Продолжение следует.

ВЕЧНЫЙ ЛЕС

Н. П. АНУЧИН,
академик Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, член Постоянного международного союза лесоводов мира

Моим учителем был крупнейший ученый в области лесоводства Михаил Михайлович Орлов, который всю свою жизнь отдал защите лесов от истребления, и никак я не думал и не предполагал, что настанет такое время, когда мне, ученику Орлова, придется убеждать иных людей в необходимости рубить лес. Таков отрадный парадокс развернувшегося наконец по всей Земле похода за охрану окружающей среды.

В самом деле, даже если бы человек вовсе не нуждался в древесине для строительства, изготовления мебели и бумаги, для извлечения неисчислимого количества различных химических продуктов, все равно ему пришлось бы следить за здоровьем леса, скажем, как производителя кислорода, жизненно необходимого для всего сущего на Земле, а значит, пришлось бы рубить лес. Предоставленные самим себе, лесные угодья подвергаются болезням, гниют, засоряются отмершими деревьями. Лесной массив, где запрещены всякие рубки, напоминает собою колодец, закрытый для пользования с целью накопления воды,— от этой неразумной меры воды не станет больше, и окажется она застойной, непригодной для питья. Если, скажем, посадить на одном гектаре десять тысяч сосенок и оставить их на произвол судьбы, через сто лет на этом гектаре останется не более пятисот спелых деревьев. Все остальные постепенно погибают, пропадут без пользы. А ведь своевременно применяя так называемое промежуточное пользование, или рубку ухода за лесом, эти отмершие деревья можно было бы пустить в дело.

Так что тот, кто в заботе о равновесии в биосфере, о сохранении живой природы, заостряя вопрос, огульно обвиняет лесорубов в варварском отношении к природе, поступает несколько ханжески. Однако понять таких людей легко: слишком долго человек вел себя по отношению к окружающей среде потребительски, он только брал, ничего не давая взамен, вернее, давал лишь отходы производства, губительные для всего живого, да мусор.

Конечно, в отличие от невосстановимых даров мертвой природы — угля, нефти, газа, руды и других минералов — лес обладает мощной возобновительной способностью. Каждый год по весне живые клетки, тонким слоем облегающие под корой стволы деревьев,— камбий, начинают делиться и образуют новый слой древесины — годичное кольцо. Общий объем этих колец составляет годичный прирост всего леса. Если ежегодно вырубать часть леса, равную по объему годичному приросту, запас древесины никогда не уменьшится — лес будет вечным. Но человеку требуется все больше и больше...

Искусственное волокно, автомобильный корд, технические сорта бумаги, кинопленка... Строительные материалы, мебель, паркет, крепежный лес, музыкальные инструменты... Химическая продукция... Даже машиностроение не может обойтись без древесины!

Да, при современном положении в лесном хозяйстве надо увеличивать годичный прирост леса и соответственно его заготовки. Правда, тут необходимы существенные оговорки. У нас в стране есть районы — Центр, Запад, Юг,— где ежегодно вырубаемая масса древесины меньше годичного прироста. Но в этих лесах нельзя пока существенно увеличить рубку, потому что в них мало спелых деревьев. С другой стороны, в Сибири шумят необозримые таежные дебри, совершенно не освоенные лесоразработкой. В них зря пропадает колоссальное количество древесины, даже при том условии, что в перестойных лесах годичный прирост заметно понижен.

Суть этих оговорок составляет большую и сложную народнохозяйственную задачу, и ее не изложишь даже в пространной статье. Здесь нам следует только подчеркнуть, что при всех обстоятельствах коренным остается вопрос: как же все-таки уравновесить рубку с приростом? Из всех многочисленных проблем леса эта — самая насущная.

Житейски говоря, рубить лес надо, но по-хозяйски и по-научному разумно. В азбуке лесохозяйственного дела можно легко разобраться на таком хотя бы примере. Представьте себе маленький сосновый бор — для наглядности дадим ему площадь футбольного поля. Причем бор этот из деревьев самого разного возраста и в этом смысле идеален, с точки зрения лесовода: в одном конце поля растут столетние деревья, в другом — годовалые, а между ними — погодки от двух до девяноста девяти, как по ранжиру. И представьте себе, что у этого борка рачительный хозяин.

Как он будет обращаться с лесом? В первый год он вырубит только уголок величиной чуть меньше вратарской площадки — одну сотую часть поля,— тот, на котором стоят спелые, столетние великаны. Вырубит, выкорчует пни, взрыхлит землю и посеет семена из самых отборных сосновых шишек, польет из лейки — для их пользы и на счастье. На следующий год он поступит так же с другой сотой долей поля, на которой деревьям исполнилось сто лет.

К середине поля он уж, пожалуй, не доберется: старость придет. Но там станут работать его сын и внук, а за спиной у них будут весело шуметь, подрастая, сосны, посаженные отцом и дедом. А в конце поля столетние деревья встретят правнука.

В стихийной природе таких идеальных полей не бывает. Но, пользуясь готовым лесом, вырубая его, мы должны действовать по этой схеме, чтобы оставлять после себя для близких и дальних потомков неиссякающий ранжир лесов всех обозначенных наукой классов — спелых, приспевающих, среднего возраста и молодых. И хотя лесовод не землепашец, который вознаграждается за пот весенней страды уже осенью, он тоже вправе испытывать знакомое только настоящему труженику удовлетворение, когда видит на опустошенной топором и пилой лесосеке изумрудную зелень посаженных им здоровых сосенок.

Однако, увы, в нашей повседневной действительности лесоводу часто приходится огорчаться нерадивостью некоторых людей и целых предприятий, причастных к лесу, его заготовкам и возобновлению! Что может он ощущать в душе своей, кроме горечи и досады, когда видит, например, как нарушаются элементарные правила использования лесосечного фонда или как беспечно, если не сказать безразлично, относятся к агротехнике.

Лесное хозяйство, как любая отрасль производства, обязано идти в ногу с веком, а научно-технический прогресс зависит от уровня механизации. У нас много выпускается машин и орудий для тех, кто работает с лесом, но качество серийной техники оставляет желать лучшего. Иногда неоправданно затягивается внедрение новых машин и технологии. Ленинградский научно-исследовательский институт лесного хозяйства разработал комплекс машин для лесопосадок на вырубках с избыточным увлажнением почв, коллегия Гослесхоза СССР этот комплекс одобрила, в Костромской и Горьковской областях давно ждут эту технику, чтобы испробовать ее в деле, а чисто организационные меры почему-то задерживаются.

У нас ежегодно производятся лесовосстановительные посевы и посадки на громадной территории — больше одного миллиона гектаров, а это половина площади годовых вырубок. Но из-за недостаточного и несвоевременного ухода за посевами и посадками происходит смена пород — и глядишь, там вместо ценной сосны выросла осина, годная разве лишь на спички, тут земля и вовсе осталась лысой. Так и получается, что, например, в ряде областей Центра, Северо-Запада и Поволжья, где, казалось бы, воткни палку — вырастет тарантас, заметно снижается доля хвойных пород.

Особенно больно узнавать, что гибнут посадки там, где они должны нести противоэрозионную и полезащитную службу. Такие случаи наблюдались в прошлом году и в Азербайджане, и в Грузии, и в Казахстане, и в Липецкой, Орловской, Оренбургской областях.

О защитной роли леса излишне говорить. Без него пашню съели бы овраги, без него засохли бы реки, сползла бы земля с горных склонов. И просто не укладывается в голове, что находятся индивидуумы, которые действуют по принципу «после нас хоть трава не расти». Лес предлагает им свои бескорыстные услуги, а они считают тяжкой обязанностью содействовать его разведению.

Подобные граждане ничуть не лучше тех безответственных туристов и так называемых любителей природы, которые толпами отправляются в лес, как считается, отдохнуть и после которых в осчастливленных ими рощах словно Мамай прошел. На месте их биваков деревья сломаны, вся округа забросана осколками разбитых бутылок, консервными банками, обглоданными селедочными скелетами. А иной раз ничего не остается по той простой причине, что они, уходя, забыли потушить костер, возник пожар, и роща сгорела. Да еще спасибо, если только роща.

Когда думаешь обо всем этом, возникает мысль: почему бы не ввести в школьные программы преподавание основ лесного хозяйства? Почему бы в учебники географии и естествознания не включить специальную главу о жизни леса и его охране? Ведь лес — наше национальное богатство, на каждого жителя мы имеем три гектара леса, то есть в три с лишним раза больше, чем пашни. Для молодого поколения страны, где треть суши занята лесом, изучение основных понятий о нем не должно считаться лишней нагрузкой. Я бы сказал, это первостепенно необходимо. А эпиграфом к такой главе о лесе я бы поставил слова: «Помни: лес в конце концов проживет и без тебя, но ты без леса — нет». И в этом не будет никакого преувеличения, а только сама собою разумеющаяся истина, и учителю легко убедить своих учеников в справедливости этих слов, напомнив им хотя бы о том, что сидят они за партами, сработанными из дерева.

Лесом покрыто у нас 747 миллионов гектаров. Канада имеет 420 миллионов гектаров, Соединенные Штаты — 293 миллиона. И к тому же на нашу долю приходится больше половины всех мировых запасов древесины наиболее ценных — хвойных — пород: 57 процентов. Обладание несметным богатством не снимает с нас, его обладателей, обязанности быть расчетливыми и бережливыми, ибо любое богатство при мотовстве можно пустить по ветру.

В старые времена, если хотели привести образец бережливости и умения утилизировать самые бросовые, казалось бы, вещи, поминали немецких свиноводов, у которых-де не пропадает ничего, кроме поросячьего визга. Причем многие говорили об этом почему-то с некоторой иронической и даже снисходительной ухмылкой.

В наше время иной из таких снисходительно ухмыляющихся берет себе на вооружение ту бесспорную истину, что государство Советское богато и могущественно. А отсюда иной делает вывод: если я на жатве (или при перевозке на элеватор, или при отправке из элеватора на мельницу) потеряю килограмм зерна, государства от этого не убудет.

Со всех точек зрения — с этической, экономической, гражданской — такой принцип нетерпим ни в чем и нигде.

Что касается лесного хозяйства, хотелось бы заявить, перефразируя притчу о свиноводах: у нас ничего не пропадает, кроме визга циркулярной пилы на пилораме. Но, к сожалению, говорить так пока рановато. Тому есть и объективные и субъективные причины. Объективно существует такое положение, что больше семидесяти пяти процентов заготавливаемой древесины потребляется в европейской части страны и на Урале, а лесные угодья этой зоны составляют всего 22 процента всех наших лесов. Значит, мы вынуждены возить лесную продукцию на очень большие расстояния. От этого она сильно удорожается, и вообще из неравномерности и диспропорции проистекает целый ряд следствий, снижающих экономическую эффективность пользования лесом.

Но теряем мы много и от причин субъективного порядка. Вот картина, которую можно наблюдать при бессистемной технологии.

Мощный трелевочный трактор идет к лесосеке, как танк, оставляя за собой глубокие борозды. Развернувшись, он вспарывает травянистый покров, мозжит под своей многотонной массой землю так, что там, где он прошел, уже вряд ли что-нибудь вырастет. Тросами цепляют к нему хлысты — стволы деревьев, освобожденные от сучьев,— и трактор идет к дороге, чтобы доставить груз на нижний склад. По пути тросами срезаются маленькие деревья, кустарник, валится молодняк. Но в погоне за большей выработкой оглядываться некогда... Вероятно, целесообразно заменить гусеничные тракторы колесными.

В некоторых леспромхозах используют только наиболее ценную часть дерева, а все, что короче трех метров, не говоря уж о сучьях, вершинках и комлях, или сжигается, или остается пищей для пожара.

Прогрессивным считается доставка хлыстов непосредственно потребителю, например, из леспромхоза на целлюлозно-бумажный комбинат. При таком методе резко сокращается доля бесполезно пропадающих отходов. Не везде он осуществим, но и там, где ничто не препятствует, инертность порою мешает его внедрению, как это происходит, например, на Красноярском целлюлозно-бумажном комбинате, который не дает себя уговорить работникам объединения «Красноярсклеспром» и предоставить территорию для складирования и разделки хлыстов.

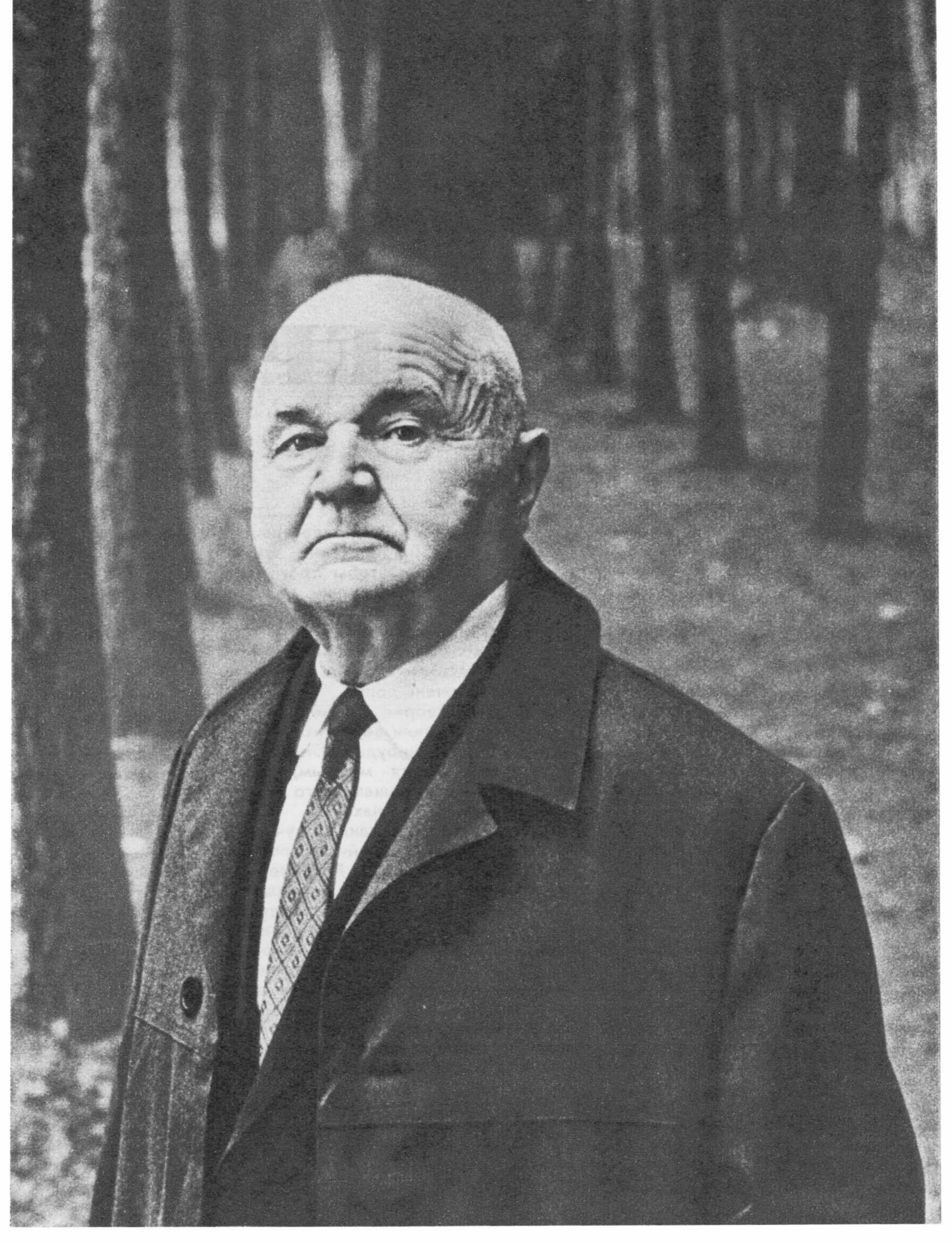

Фото Г. КОПОСОВА.

Плохо еще мы пользуемся колоссальными запасами древесины мягколиственных пород — березой, ольхой, ивой, осиной. До сих пор не решен вопрос об использовании лиственницы, а ведь это основная, преобладающая порода сибирских лесов. Тут впереди непочатый край работы.

Многих тревожит судьба кедра. Это дерево, если рассматривать его как объект промышленной эксплуатации, требует особых мерок — хотя бы потому, что растет оно очень медленно: возраст спелости у него 160 — 200 лет. Кроме древесины, кедр дает орехи, кедровники богаты ценным пушным зверем, вообще трудно подсчитать все добро, которое приносит кедровый лес людям, умело и заботливо им пользующимся. Одно совершенно ясно и не требует доказательств: гораздо выгоднее брать от кедрового леса производимые им дары, чем рубить его на хорошо плодоносящих участках. А на древесину надо пускать перестойные и спелые участки леса, то, что обусловлено санитарными рубками. Ну, а старателей-заготовителей, которые ради добычи шишек с орехами спиливают столетнего великана, надо просто привлекать к суду и судить со всей строгостью. Такие старатели своими преступными действиями в немалой степени способствовали тому, что былые могучие кедровники на Алтае столь сильно поредели.

И, наконец, отдельного разговора заслуживает так называемое промежуточное пользование лесом, или рубка ухода,— на этой стадии мы тоже теряем немало.

Я уже говорил, что по мере роста в лесах происходит постепенное отмирание деревьев, их естественный отпад (напомню: из 10 тысяч саженцев на гектаре к возрасту спелости остается 500 или даже меньше деревьев). В неухоженном, беспризорном лесу одни деревья, отмерев, гниют, становятся рассадником вредных насекомых, другие мешают росту лучших своих собратьев.

Никто не считал, сколько древесины пропадает зря из-за не проводимых своевременно рубок ухода за лесом. Конечно, хлопотливая штука — ходить по борам и рощам, внимательно осматривать деревья, выбирать хилые, больные, метить этих кандидатов на отмирание, а потом убирать их в подходящие сроки, чтобы древесина была годна к употреблению. Хлопотливо, но делать это необходимо, и тогда страна получит дополнительные миллионы кубометров древесины, а значит, бумаги, пиломатериалов, мебели...

Кто-нибудь может подумать, что автор этих строк, начав вполне бодро, под конец впал в уныние. Отнюдь! Наше лесное хозяйство крепнет с каждым годом, будущее у него самое многообещающее. Но, как во всяком большом деле, тут и проблемы большие.

Заботы леса необъятны, как он сам. Все мы в долгу перед ним. Вопрос нашей совести и чести — хозяйствовать так, чтобы лес был вечным. Это нам по силам.

ФИАСКО ЧЕРНЫХ

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Полуфинальные матчи Карпов — Спасский и Корчной — Петросян принадлежат истории. Но шахматные практики и теоретики продолжают анализировать сыгранные партии, чтобы установить секрет убедительных побед Карпова и Корчного и причины катастрофических неудач Спасского и Петросяна. Два финалиста — Карпов и Корчной — охотно беседовали с многочисленными журналистами и скромно, объективно признавали, что оба экс-чемпиона мира находились не в лучшей спортивной форме. Но у любителей шахмат есть много «почему», много «чем объяснить». На самом деле: чем объяснить, что в турнире претендентов черные оказались столь беспомощными? Напомним катастрофические цифры: в четвертьфиналах 14 : 1, а в полуфиналах 7 : 2 в пользу белых!

Надо сказать, что играть в шахматы белыми всегда было легче. В турнире участники всегда с нетерпением ждут результата жеребьевки: хорошо вытащить такой номер, чтобы с сильнейшими играть белыми, а со слабыми черными. Другое дело матч двух равных: тут победить черными трудно, о как трудно! Идеальный график: выиграть белыми, а черными свести партию вничью. Вот почему, готовясь к матчу, шахматисты так много внимания уделяют проблеме защиты, чтобы не проиграть черными.

Вспомним исторический матч Капабланка — Алехин в 1927 году. Оба шахматных великана выиграли по три партии белыми. Но Капабланка не сумел выиграть черными ни одной партии, а Алехин это сумел сделать в трех партиях, что и обеспечило ему титул чемпиона мира.

В 1960 году Михаил Ботвинник был совершенно беспомощен против «белого» Таля, который выиграл пять партий. Через год, однако, картина была совсем иная: Ботвинник научился отражать атаки Таля белыми и выиграл 8 партий!

То, что Карпов и Корчной сумели победить в трех встречах, играя белыми, вполне закономерно; сенсация в том, что Петросян и особенно Спасский (он не выиграл ни одной партии белыми) не сумели ответить ударом на удар.

С легкой руки журналистов получила хождение версия, что Петросян и Спасский были плохо подготовлены в теоретическом отношении. «Плохо подготовлены» — это стандартная фраза. А кто может точно установить, как были подготовлены Петросян и Спасский? Кто знает, какие варианты привезли они в своих чемоданах? Вполне возможно, что какие-то новинки и были припасены, но для того, чтобы применить эти новинки, для того, чтобы противник попался на эти новинки, надо иметь еще и немного счастья. Это счастье заключается в том, чтобы получить возможность применить эту новинку, а этого иногда приходится ждать очень долго.

Шахматная теория создается на основании практики ведущих шахматистов. Какой-нибудь дебютный вариант становится модным, но шахматисты продолжают его совершенствовать и находить все новые усиления, и в таком случае мы говорим, что такой-то гроссмейстер нашел новинку. Разумеется, что эта находка, пока она еще не использована, является секретным оружием и держится в запасе для какой-нибудь важной партии. В Одессе в третьей партии Петросян уже в дебюте попал в трудное положение. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с таким заранее подготовленным усилением со стороны Корчного.

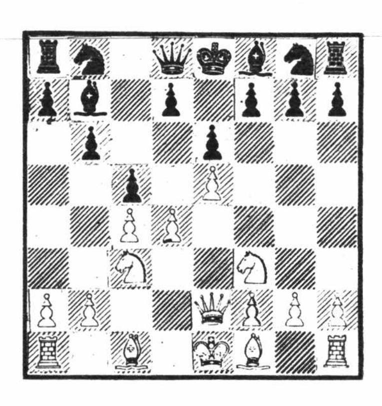
В. Корчной — Т. Петросян
Английское начало

1. c2—c4 Kg8—f6
2. Kb1—c3 e7—e6
3. Kg1—f3 b7—b6
4. e2—e4 Cc8—b7
5. Фd1—e2 c7—c5

С этой позицией Петросян, несомненно, был знаком. Его коллега — экс-чемпион мира В. Смыслов два года тому назад во встрече с Л. Штейном сыграл 5...Cb4 6. e5 Kg8 7. d4 d6, и у белых преимущество.

6. e4—e5 Kf6—g8
7. d2—d4 Cb7:f3

Петросян

Корчной

Редчайший случай, чтобы Петросян неправильно оценил позицию.

8. Фe2:f3 Kb8—c6

Петросяну казалось, что белые должны разменяться на c5, после чего размен слона на коня f3 был бы оправдан. Но его ждет весьма неприятный сюрприз.

9. d4—d5! ...

Неясно, нашел ли Петросян на свою беду ход 7...C:f3 дома или за доской? Также неясно, имеем ли мы дело с домашней подготовкой со стороны Корчного.

9... Kc6:e5
10. Фf3—g3 d7—d6
11. Cc1—f4 Ke5—g6
12. d5:e6 f7:e6
13. 0—0—0 Kg6:f4
14. Фg3:f4 g7—g6

Проигрывает быстро. Но и после лучшего 14...Kf6 15. g3 позиция черных явно не из привлекательных.

15. Фf4—e4 Kg8—f6
16. Фe4:e6+ Фd8—e7
17. Лd1:d6 Фe7:e6
18. Лd6:e6+ Kpe8—e7
19. Лe6—c6

При лучшей позиции теперь у белых лишняя пешка. Корчной без труда довел свое преимущество до победы на 51-м ходу.

Что можно сказать об этой партии? Она одна из худших (если не самая плохая партия) в практике Петросяна.

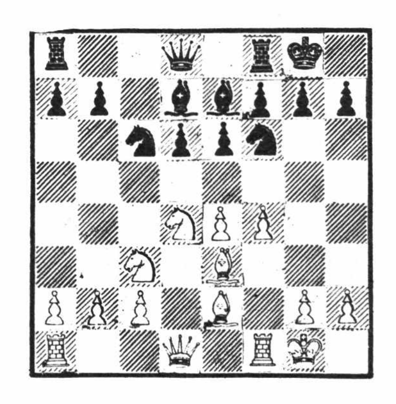
В шахматах есть дебют под названием «королевский гамбит», есть и другие гамбиты — «атака Панова», «атака Раузера». Во всех этих дебютах белые стараются с первых же ходов атаковать. Черным полагается вести защиту, стремиться к уравнению игры. В этом смысл «Сицилианской защиты», «Защиты Каро-Канн», «Защиты Алехина» и других. Вы заметили: все эти дебюты носят одно общее название — «защита». Для того, чтобы перейти в контрнаступление, черным надо сначала отбить первый натиск белых. В двух полуфиналах почти не было контратак. Почему? Карпов и Корчной грозно атаковали, а Петросян и Спасский только защищались, причем без обычной для них цепкости. В этом и таится причина неудач черных. Этот вывод подтверждается и вышеприведенной партией и девятой партией из матча Карпов—Спасский.

Судейская коллегия признала эту партию лучшей, хотя сам Карпов считает лучшим своим достижением восьмую встречу, в которой ему удалось спасти очень тяжелую позицию. Но это уже дело вкуса. Таль отметил, что девятая партия на него произвела неизгладимое впечатление. Да, Карпов очень сильно, с железной логикой провел наступление, но читатель «Огонька», даже если он и играет хуже Таля, несомненно, заметит, что в этой партии не видно ни упорства, ни находчивости Спасского в защите. Впрочем, судите сами:

А. Карпов — Б. Спасский
Сицилианская защита

1. e2—e4 c7—c5 2. Kg1—f3 e7—e6 3. d2—d4 c5:d4 4. Kf3:d4 Kg8—f6 5. Kb1—c3 d7—d6 6. Cf1—e2 Cf8—e7 7. 0—0 0—0 8. f2—f4 Kb8—c6 9. Cc1—e3 Cc8—d7

Спасский

Карпов

В первой партии Спасский успешно сыграл 9. ...e5. Как известно, от добра добра не ищут. Очевидно, Спасский поверил «на слово» Карпову, что он дома нашел усиление. Так ли это? Вполне возможно.

10. Kd4—b3 a7—a5
11. a2—a4 Kc6—b4
12. Ce2—f3 Cd7—c6
13. Kb3—d4 g7—g6

Если Спасский полагал, что он этим ходом усиливает вариант за черных, то он ошибся. Скорее наоборот, ход в тексте ослабляет королевский фланг.

14. Лf1—f2 e6—e5
15. Kd4 : c6 b7 : c6
16. f4 : e5 d6 : e5
17. Фd1—f1 Фd8—c8
18. h2—h3 Kf6—d7

Неудачный ход. Полезнее было 18 ...Фe6 или 18. ...Kpg7.

19. Cf3—g4 h7—h5
20. Cg4:d7 Фc8 : d7
21. Фf1—c4 Ce7—h4
22. Лf2—d2 Фd7—e7
23. Лa1—f1 Лf8—d8

Анализ показал, что лучше было пойти на f8 другой ладьей.

24. Kc3—b1 Фe7—b7
25. Kpg1—h2 Kpg8—g7
26. c2—c3 Kb4—a6
27. Лd2—e2 Лd8—f8

Черные, что называется, переиграны по всем правилам стратегии. Нет и малейшего намека на контригру. В несколько ходов Карпов заканчивает встречу.

28. Kb1—d2 Ch4—d8
29. Kd2—f3 f7—f6
30. Лe2—d2 Cd8—e7
31. Фc4—e6 Лa8—d8
32. Лd2 : d8 Ce7 : d8
33. Лf1—d1 Ka6—b8
34. Ce3—c5 Лf8—h8
35. Лd1 : d8

Черные сдались, ибо на 35. ...Лd8 решает 36. Ce7.

Почему проиграл эту партию Спасский? Только ли потому, что Карпов играл очень сильно? Нет, в этой партии причина поражения черных кроется в дебюте. Партия, поставленная плохо в дебюте, ничего хорошего не сулит!

В четвертьфиналах и полуфиналах черные переживали тяжелый кризис. Как же развернутся события осенью в финале? Надо полагать, что в финале мы увидим не только хорошо подготовленные атаки, но и контратаки, мощное наступление и высокую технику защиты. В шахматной задаче обычно ставится условие: «Белые начинают и дают мат в два хода». Но партия — это борьба, в которой цвет не должен быть решающим фактором, иначе шахматы потеряют значительную часть своей прелести.

1:0 В ПОЛЬЗУ «ЛА СКАЛА»

«Ла Скала» — Большой театр.

Итальянские «тиффози» на трибуне. Соло на кастрюльных крышках исполняет артистка хора Элена Мацони.

Фото Г. Соловьева.

Снимок на память.

Этот матч не значился в спортивном календаре, и о том, что происходило на стадионе «Москвич», не знали ни болельщики футбола, ни поклонники музыки, но зрителей все равно было немало. Над стадионом звучали трубы, гремели крышки от кастрюль — любимый инструмент итальянских болельщиков — «тиффози». На табло значилось «Ла Скала» (Милан) — Большой театр (Москва).

Играли команды оркестров двух прославленных театров, которые провели уже один матч в ноябре прошлого года в Милане (тогда игра закончилась вничью — 1 : 1).

Московские оркестранты начали игру в хорошем темпе, гости отвечали резкими и острыми контратаками. Трудно описать словами восторг итальянских болельщиков, когда москвичи, пытаясь вывести мяч из штрафной площадки, сами вкатили его в свои ворота. А что делалось на трибунах в тот момент, когда за игру рукой итальянцы были наказаны одиннадцатиметровым штрафным ударом! Казалось, равновесие будет восстановлено, но вратарь Сёрси сумел отбить не очень сильный мяч, и гости победили со счетом 1 : 0. Ну что же, заслуженная победа. Нападающий Ди Марко, капитан команды Дель Кармино, вратарь Сёрси — музыканты оркестра и главный дирижер «Ла Скала» К. Аббадо играли великолепно.

Закончились гастроли в Москве замечательного оперного театра. Артисты вернулись в Милан, но и они и их друзья, оркестранты Большого театра, еще долго будут вспоминать не только выступления на прославленной московской сцене, но и два веселых часа, проведенных на московском стадионе.

В. НАВАЛИХИН,
артист хора Большого театра

Главный дирижер «Ла Скала» Клаудио Аббадо и артист оркестра Большого театра Лев Неучев.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Иранское изречение гласит: «Когда первый месяц супружества только месяц меда, второй месяц — месяц полыни».

Эту восточную мысль о быстротечности счастья и сменяющей его горечи разочарования использовал в своем философском романе «Задиг, или Судьба» Вольтер: «Задиг на себе испытал, что первый месяц брака, как он описан в книге Зенд (Зенд — язык и написанные на нем священные книги.— Э. В.), является медовым месяцем, второй же — полынным».

Вольтеровское выражение «медовый месяц» — синоним счастливой поры супружества — перешло во многие языки.

Со временем оно получило более широкий смысл: золотая, ничем не омраченная пора какого-либо начинания, явления. В этом значении слова использовались Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым.

УНИВЕРСАМ

Слово «универсам» — отпрыск двух родителей, один из которых самый главный и самый старший — начисто отстранен от участия в этой аббревиатуре.

Все началось с МАХЗАНА — с МАГАЗИНА. Это давнее арабское слово со значением «склад», «хранилище» заимствовали итальянцы, а от них французы. Затем через немецкий язык «магазин» пришел и в нашу лексику.

С появлением торговых предприятий, продающих самые разнообразные предметы, появилась потребность соответственно их назвать. Так «магазин» стал еще и универсальным (от латинского «универсалис» — «разносторонний»).

Затем словосочетание подверглось сокращению. Мы получили «универмаг».

А еще через некоторое время, когда потребовалось отразить в названии новый метод обслуживания в таком универмаге — самообслуживание, язык освободился от «маг», а на его место определил усеченное «сам».

Так возникло сложносокращенное и довольно бессмысленное слово УНИВЕРСАМ — «Универсальный самообслуживания».

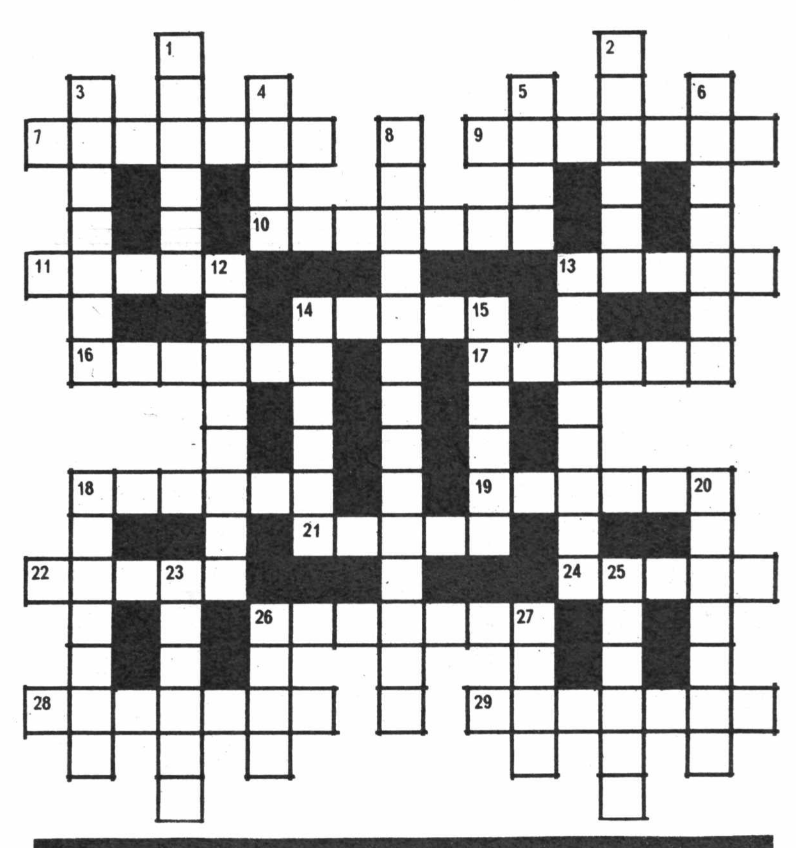
Случай довольно редкий.

СУТКИ

Русские СУТКИ трудно на первый взгляд отнести к словам с прозрачной этимологией. А между тем оно вполне рядовое слово с распространенным способом образования, с лежащей на поверхности внутренней мотивировкой. Если расчленим его, получим: СУ + ТК + И. Ну, а теперь совсем просто, СУ, СО — приставки, передающие идею совместности. Они присутствуют в таких, скажем, словах, как СУПРУГ, СУМЕРКИ, СОДОКЛАД, СОРАТНИК. ТК — преображенный со временем древний корень ТЪК, который присутствует и поныне в словах ТКНУТЬ, ТЫКАТЬ или в нашем космическом СТЫКОВКА. И — показатель множественного числа. Таким образом, слово СУТКИ русский язык создал для обозначения единицы времени, образуемой столкновением, слиянием дня и ночи.

Показательно, что в европейских языках — английском и испанском, французском, немецком и итальянском — понятие СУТКИ может быть выражено лишь словосочетаниями: «день и ночь» или «двадцать четыре часа».

Э. ВАРТАНЬЯН

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Таджикский героический эпос. 9. Древнегреческий философ и математик. 10. Хлеб. 11. Столица Сенегала. 13. Камчатский бобр. 14. Подставка для нот, книг. 16. Река в Якутии. 17. Часть света. 18. Небольшая ария. 19. Картина или узор из цветных стекол. 21. Курорт в Абхазии. 22. Передняя сторона здания. 24. Порывистое круговое движение ветра. 26. Пролив, соединяющий Адриатическое море с Ионическим. 28. Месяц года. 29. Танец.

По вертикали: 1. Большое состязание на спортивных судах. 2. Металлорежущий инструмент. 3. Лиственный лес. 4. Русский поэт. 5. Созвездие северного полушария неба. 6. Поэма А. С. Пушкина. 8. Четырехугольник. 12. Кровельный материал. 13. Советский физик, академик. 14. Роман Н. Г. Чернышевского. 15. Бечева, стягивающая концы лука. 18. Советский музыковед и композитор. 20. Птица. 23. Опера А. А. Спендиарова. 25. Порт в Красноярском крае. 26. Природная минеральная краска. 27. Минерал.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 4. Казачок. 7. Жако. 8. Овал. 9. Камин. 10. Карниз. 11. Фарлаф. 15. Треска. 17. Аккра. 18. Калина. 20. Целиноград. 21. Бессеменов. 23. Фиалка. 25. Инари. 26. Бабуин. 27. Ацетон. 28. «Эгмонт». 29. Триод. 31. Нева. 32. Улей. 33. Клиника.

По вертикали: 1. «Владимирка». 2. Каток. 3. Фотон. 5. Кабина. 6. Ламарк. 10. «Кириллица». 12. «Финансист». 13. Ванадий. 14. Наречие. 16. Киоск. 19. Арена. 22. Мавритания. 24. Апогей. 26. «Беглец». 29. Табло. 30. Дудка.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Маркшейдеры комсомолки Наташа Подшивалова (слева) и Нина Полтавская работают на высоте свыше трех тысяч метров. (См. в номере репортаж «Рудные горы».)

Фото Э. Эттингера.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Река Снежная, Иркутская область.

Фото А. Губина (на фотоконкурс).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

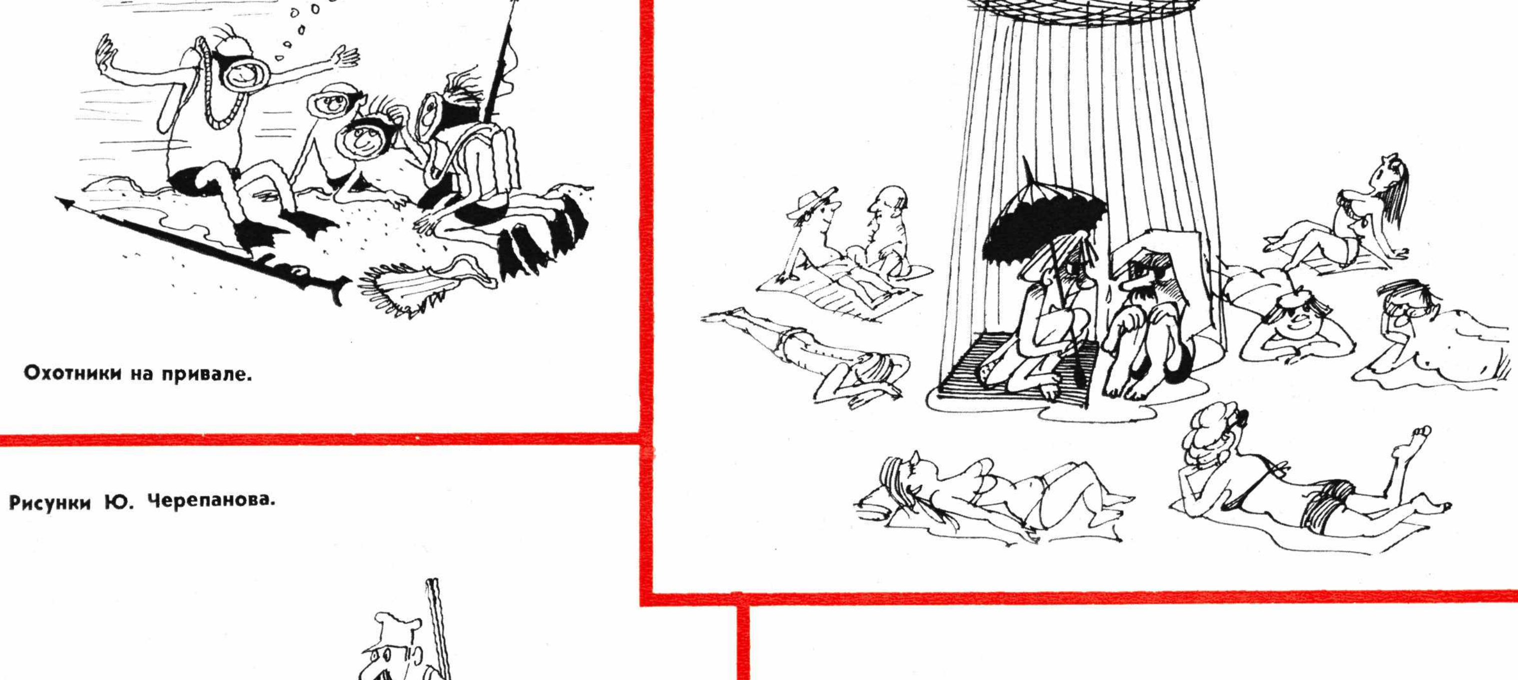
Сдано в набор 10/VI—74 г. А 06875. Подп. к печ. 25/VI—74 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1460. Тираж 2 105 000 экз. Заказ № 2299.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Охотники на привале.

— Не везет нам в отпуске с погодой.

Рисунки Ю. Черепанова.

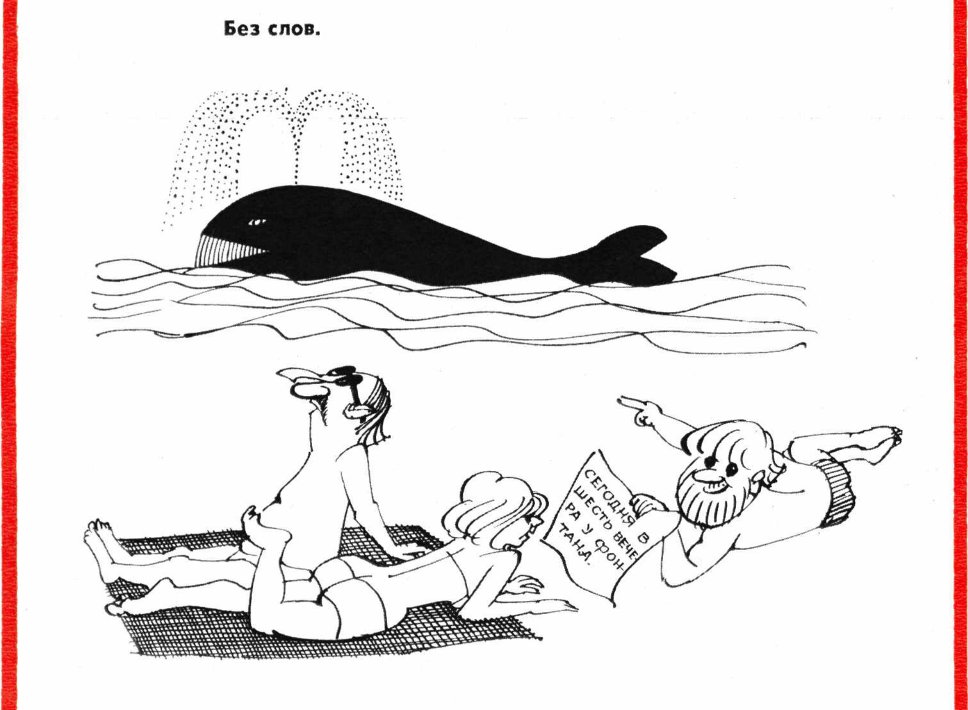

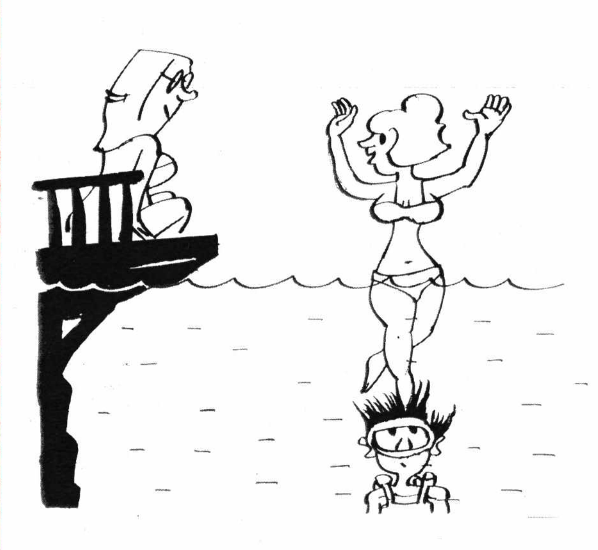
Что же за сорт такой!

— У меня сегодня доклад в подводном клубе аквалангистов.

Без слов.

— Здесь мелко, я стою на какой-то мохнатой кочке.

Рисунки В. Воеводина.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663